



# ВІСТІ ЄВРЕЙСЬКІ

№03 (628)  
березень  
2018 р.

ГАЗЕТА ЄВРЕЙСЬКОЇ РАДИ УКРАЇНИ  
סודי'טו'י' עש'י'ד'י' • The Jewish News • Еврейские вести



*«Обязаны мы благодарить, прославлять, величать, благословлять, возносить и воспевать Того, кто сотворил для предков наших и для нас все эти чудеса: вывел нас из рабства на свободу, из скорби – к радости, из траура – к празднику, из тьмы – к великому свету, из порабощения – к избавлению».*  
(Пасхальная Агада)

Дорогие наши читатели!

Поздравляем Вас с праздником Песах – праздником Исхода, весны, пробуждения природы, обновления жизни – праздником освобождения от рабства! Пусть Ваши сердца наполняются радостью и любовью, семьи – спокойствием, теплотой, миром и благополучием!

Всеукраинский еврейский совет  
Республиканское общество еврейской культуры  
Редакция газеты «Еврейские вести»

## ПЕСАХ – СИМВОЛ НАШЕЙ СВОБОДЫ

Накануне праздника Песах, символизирующего рождение еврейского народа, само собой приходит раздумье: какой жизненный путь должен предпочесть наш народ, чтобы быстрее и успешнее достигнуть конечной цели своего бытия? Должен ли он стремиться к такому существованию, чтобы в нем был минимум усилий и максимум удовольствий, или к жизни, исполненной напряженного труда и максимальных свершений?

Этот же вопрос относится и к индивидуальной жизни каждого. Проблема эта не абстрактна. На том или ином ее разрешении основывается отношение человека к своей жизни, его реакция на все, что происходит с ним и вокруг него.

С первого взгляда может показаться, что наивысшая добродетель Всевышнего состоит в получении человеком максимума наслаждений – истинных наслаждений – безо всяких трудностей и мук: ведь при этом желание Творца сеять добро, казалось бы, проявляется в полной мере.

Однако натура человека такова, что подлинное наслаждение он получает лишь при личном участии в происходящем действии, когда результат достигнут и выстрадан собственным трудом. Если же человек получает благо как подарок, это унижает его достоинство, и подобный подарок называется «нахма дэ-хуфа» (постыдный хлеб). Именно потому, что Б-г желает, чтобы человек получил полную меру добра, в созданном Им мире человек может получить благо, лишь добываясь цели своими силами. И чем больше было приложено труда, тем сладостнее добытые плоды.

Так было и при рождении еврейского народа. Хотя сам выход из Египта, исполненный удивительных чудес, носил характер явного небесного дара, он вместе с тем с самого начала был связан с «таавдун» (напряженным служением) Всевышнему. Это была заслуга народа, его участие в Б-жественном акте Исхода. В той же мере, в какой это относится ко всему еврейскому народу, это верно и по отношению к любому его представителю. «Вершить и совершать!» – таким должно быть устремление каждого. И не просто выполнять определенную работу, а в поте лица и вдохновенно выполнить свой труд, который Тора называет «Амал» (Созидание). Только тогда человек отрывается от уровня «праха земного» и возвышается до степени «Человек богоподобный».

Рождение и жизнь отдельного человека также преисполнены чудес, даже когда кажется, что все происходящее с ним «в природе вещей». Но ведь учили наши благословенной памяти Мудрецы: «Человек не сознает происходящего с ним чуда». Поэтому благодарим мы Всемогущего трижды в день: «За чудеса Твои, происходящие с нами ежедневно».

Жизнь человека и всего еврейского народа от самого их рождения является свидетельством постоянных, хотя и не всегда очевидных, чудес, вплоть до Великого Чуда окончательного избавления каждого еврея и всего народа Израильского...

Праздник Песах занимает центральное место в жизни

еврейского народа. Это торжественное событие имеет принципиальный и назидательный характер, одинаково вечный для всех исторических периодов, как и все, заповеданное Торой. Отсюда следует, что каждый оттенок, каждая деталь этого праздника призваны служить серьезным наставлением.

Такой подход особенно справедлив в отношении сокровенной сущности праздника: Песах – символ нашей свободы. В самом Избавлении и Освобождении из Египта кроются многие поучения, и мы остановимся более подробно на одном из них. Речь пойдет о характере Избавления – великого чуда освобождения еврейского народа из-под ига египетского рабства, что особенно выделено в Торе: «Пыталось ли божество взять племя из среды племени испытаниями, знамениями и чудесами. . . как все, что сделал для вас перед глазами твоими Б-г Всесильный ваш».

В период, предшествовавший Избавлению, евреи были «племя в среде племени». Этими словами подчеркивается следующее:

1) Еще до Избавления из Египта евреи уже сложились в «народ», в нацию, со всеми ее отличительными особенностями: общностью языка и территории (область Гошен), где они жили и работали.

2) Вместе с тем они были народом в среде другого народа или, по образному выражению наших Мудрецов, напоминали плод в материнском чреве, который есть живой, цельный и развивающийся организм со всеми присущими человеку органами. Однако он лишен реальной самостоятельности: ни его мозг, ни органы чувств еще не функционируют, местонахождение автоматически меняется с перемещением матери, питательные вещества поступают из материнского организма и так далее.

Таким был и еврейский народ в Египте до Избавления. Он действительно мог считаться «народом» и даже владеть отдельной территорией – областью Гошен; сыны Израилевы отличались от египтян языком, одеждой и многим другим, но вместе с тем были настолько порабощены и ассимилированы египетской средой, что казалось, они служат египетскому божеству – овце.

Тогда-то и случилось то, что Тора называет «взять племя из среды племени». Заключалось это в следующем: евреи бесстрашно взяли овец, которые были божеством египтян, и доказали, что это отнюдь не божество, а всего лишь съедобное мясо, употребляемое в жареном виде в пищу...

Из этого следует нравоучение.

Человек может тешить себя мыслью и с гордостью заявлять окружающим, что он, дескать, самостоятелен, независим, не лишен разума, чувств и т. п. А если кто-нибудь скажет, что он порабощен, что он пленник и раб фетишей и условностей, возведенных в культ окружающей его нееврейской средой и народом, он страстно начнет доказывать, что свободен и независим.

Как можно дойти до такого тяжкого заблуждения? Объясняется это добровольным закабалением, тем, что

человек сам себя продает в рабство. Он стремится «угнаться» за мировоззренческими концепциями, настроениями и взглядами окружающей среды; он сдается честолюбию или иными эгоистическими побуждениями, либо им движут еще более низкие инстинкты, или даже обуревают все вместе взятые вышеперечисленные страсти – настолько, что он не более чем «плод в материнском чреве». Все его помыслы направлены на удовлетворение низменных инстинктов до такой степени, что он и не в состоянии ощутить весь ужас своего положения «раба рабов». Преклоняясь перед им же созданными идеалами и миром вещей, он полагает себя свободным человеком.

Наступает Песах, который учит нас следующему. Даже человек, подобный вышеуказанному, если только осмыслит все, если только вспомнит слова «И сказал Б-г Моисею...» и закон Моисеев, – он может, он в состоянии осуществить «И зарежьте его...». Речь идет о заклинании оного божества – идеалов, чуждых еврейскому духу, о сожжении их на огне священной любви, о которой говорится: «И любил Б-г Всесильного твоего всем сердцем твоим, всей душой твоею, всей твоей сокровенной сущностью...», – до такой степени, чтобы и душа, и тело всегда стремились к безраздельному служению Всевышнему.

Тогда и наступит «...взять племя из среды племени», и Б-г перевернет его душу, весь его внутренний мир и поднимет от самой низшей нравственной ступени до полного освобождения, о котором говорят слова: «Когда ты выведешь народ из Египта, они будут служить Б-гу на этой горе».

Исход из Египта и истинная свобода нерасторжимо связаны со служением Б-гу, как об этом сказано нашими Мудрецами: «Сыны Израиля – Мои рабы, но не рабы рабов».

Тора предписывает повторять все дни года слова об Исходе из Египта и делать все возможное, чтобы эти слова были не только девизом, но и наполняли жизненной силой повседневные дела еврея. Тогда он сможет – и Предвечный поддержит его в этом – освободиться от комплекса самокабаления, стряхнуть иго внутреннего рабства и достичь свободы и самостоятельности истинной – не сдерживаемой более человеческой костью и озаренной необычайным светом Б-жественной Воли...

Да благословит Всевышний, чтобы преддверие торжественного события – праздника Песах – побудило каждого из нас правильно и бесстрастно оценить свой нравственный облик. Такая оценка должна быть обращена и на внутренний мир, и на взаимоотношения с окружающими, то есть рассматривать человека и как личность, и как члена человеческого общества.

Пусть воспоминание об Исходе из Египта станет стимулом к непрерывному самосовершенствованию и освобождению каждого отдельного человека, что приблизит общее Избавление всего еврейского народа с приходом Мошиаха в ближайшем будущем.

С благословением и пожеланием кошерного и веселого праздника Песах!

(Из посланий Любавического Ребе к празднику Песах)

# По страницам номера

Формируя материалы в очередной номер газеты, редактора всегда в первую очередь ориентируются на календарь памятных и знаменательных дат. Материалы, связанные с научными открытиями, историческими событиями или юбилеями выдающихся людей всегда интересны. В расчет принимается и тот факт, что формат газеты рассчитан на разные категории читателей. Ну, а еврейская газета ориентируется ещё и на два календаря: еврейский и общепринятый, григорианский.

Сегодня, делая обзор основных материалов настоящего номера «Еврейских вестей», мы столкнёмся и с парадоксальными неожиданностями месяца март. Именно в первой декаде марта с разницей в 45 лет родились два гения мировой литературы: великий украинский поэт, прозаик и художник Т.Г. Шевченко и классик еврейской литературы, один из величайших в мировой литературе писателей-юмористов Шолом-Алейхем. Не лишним будет напомнить, что оба писателя родились в центральной Украине. Тарас Шевченко – в селе Моринцы, тогда Киевской губернии, а Шолом-Алейхем – в Переяславе, тогда Полтавской; родились они хотя и на противоположных берегах Днепра, но почти рядом, расстояние между этими двумя населёнными напрямую всего около 100 км. Как видим, совпадения – просто мистические. Поэтому газета марта традиционно выходит с материалами, связанными с именами этих двух великих писателей земли украинской. Думаю, статья под названием «Творчі зустрічі Шолом-Алейхема у Львові» (стр.3) и материал о вручении Премии им. Шолом-Алейхема (стр.4-5) комментарии не требуют. А вот в рубрике «Из нашей почты» мы публикуем письмо Михаила Каминского из села Удыч, Винницкой области, и предлагаем нашим читателям его небольшую поэму в стихах под названием «Монолог з Тарасом», в которой автор обращается к Т.Г. Шевченко, и в строках её звучит его кричащая душевная боль об Украине наших дней.

Март – это ещё и месяц Пурима, месяц чудесного спасения в V веке до н.э. еврейского народа в Персидской империи от угрозы полного физического уничтожения.

Многим кажется, что чудеса происходили лишь в прошлом. История новейшего времени, во всяком слу-

чае – еврейская, доказывает обратное. Ровно 65 лет назад, в начале 1953-го года, евреи Советской империи находились на волосок от гибели. Решение суда по «Делу врачей» должно было стать первым сигналом к погромам и выселению всего еврейского населения страны в сталинские лагеря в отдалённые районы Сибири. В тот год Пурим, как и в нынешнем году, наступал вечером 28 февраля. И именно в этот вечер, 28 февраля 1953 года, в восемь часов двадцать три минуты, у Сталина произошло кровоизлияние в мозг, и он лишился речи. А 5 марта наступила смерть Тирана. Написано на эту тему уже много, но сегодня нам хочется предложить читателям статью (стр. 11-12) не историка или политического деятеля, а поэта и эссеиста, нобелевского лауреата 1987 года Иосифа Бродского «Размышление об исчадии ада», написанную им в марте 1973 года.

Ну, а теперь перенесёмся в дни нынешние. В настоящее время наша Украина, подвергаясь агрессии, переживает сложные времена. Сегодня часто бывает непросто понять, кто наш враг, а кто – друг. В такой ситуации редакция «Еврейских вестей» уделяет особо пристальное внимание публикуемым на наших страницах материалам. Но есть у Украины и искренние надёжные друзья даже в недружественных странах. Вот, к примеру, на наших страницах мы уже публиковали интервью с двумя современными известными российскими писателями, евреям по происхождению, Людмилой Улицкой и Борисом Акуниным, которые занимают открытую, активную проукраинскую позицию. Ещё в 2014 году Улицкая писала: «Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манерой величия... Моя страна с каждым днем приближает мир к новой войне... Прощай, Европа, боюсь, мы никогда не станем частью европейской семьи народов». А это Борис Акунин – тоже год 2014: «С путинской же Россией у меня нет точек соприкосновения, мне чуждо в ней все. И находится здесь в период всеобщего помутнения рассудок мне стало тяжело. Поэтому эмигрировать я, конечно, не намерен, но основную часть времени, пожалуй, начну проводить за пределами. Трезвому с пьяными в одном доме неуютно. Буду периодически на-

вещать – смотреть, не заканчивается ли запой...». И сегодня мы на 12-13 стр. с удовольствием представляем нашим читателям очень интересный, оригинально поданный материал нашего специального корреспондента в Лондоне Марианны Моденовой «Людмила Улицкая и Борис Акунин: разговор по душам». На этот раз разговор – не о политике, а о философии жизни и творчества. Впрочем, сохраним интригу...

Представленное выше – это, конечно, не все материалы настоящего номера, ведь газета наша «толстая». Остальные материалы – тоже, конечно, важные и серьёзные, но пусть они станут для кого-то из наших читателей новым открытием, а для кого-то – приятным сюрпризом. Немалая часть публикуемых на страницах «Еврейских вестей» статей посвящена тяжёлым страницам истории еврейского народа. А как быть, если Бабий Яр не в далёкой Персии, а рядом? Безусловно, такие материалы утяжеляют газету, делая её, если так можно выразиться относительно печатного издания, несколько «хмурой». Вот на это обстоятельство и обратил внимание наш постоянный автор и мой друг Анатолий Сигалов. Анатолий Матвеевич – изысканный, хорошо известный украинскому читателю, публицист. Десятки его прекрасных статей украсили и наши «Еврейские вести». Напомню только названия некоторых из них: «Бульвар Владимира Высоцкого», «Юлиан Семёнов и национальный вопрос», «Осип Манделштам против Иосифа Сталина», «Еврей – "шестидесятники": стойкость, мужество, героизм». Так вот, Анатолий Матвеевич как-то в начале нынешнего года сказал мне, что нелишне было бы больше места в газете отводить юмору и сатире, и... предложил свою помощь. И сегодня на 16 странице газеты мы предлагаем нашим читателям сатирический рассказ Анатолия Сигалова «Счастье привалило».

Вот на таком обнадёживающем «счастье» да ещё и «привалило!» – я и закончу обзор мартовского номера «Еврейских вестей».

А всем нашим читателям хочу пожелать хороших и светлых праздников: государственных, религиозных, профессиональных, личных и семейных (последние, к сожалению, никто для нас выходными днями не делает...).

И читайте наши «Еврейские вести». Читайте с удовольствием!

Семён БЕЛЬМАН

## Из нашей почты

Уважаемый Семен Бельман,  
здравствуйте!

Получил и прочитал Вашу хорошую газету «Єврейські вісті» – первый номер. Очень сожалею, что не выписывал ее раньше.

Все новости о жизни евреев приходили в мое глухое село из Киева от моих дорогих, светлой памяти, родственников, Натана Иосифовича Шапиро, Беты Матвеевны Аксельруд, их сына Григория Натановича Шапиро, ушедшего в мир иной 27.12.2017 г.

Три тома авторских книг «Очерки еврейского героизма» и томик «Мы насытились презреньем» подарил мне мой давний добрый друг, к сожалению, уже покойный – Семен Львович Авербух. Память об этих светлых людях я берегу в своем старом больном сердце. Теперь на время, отпущенное мне Всевышним, я буду Вашим постоянным подписчиком и читателем «Еврейских вестей».

Волею судьбы, я всю свою долгую жизнь живу в селе, один еврей, «последний из могилок», чудом уцелевший холокостник, «проживший» почти три года в оккупации на территории Черкасской области. 29 мая 1942 г. в Монастырищенском Яру были расстреляны моя мама Роза, мама сестра Шифра, моя братова Маня Спектор со своим грудным ребенком, а также многие мои друзья-однокурсники.

В братских могилах Монастырища нашли последний приют 6066 наших соплеменников, павших от рук немецко-фашистских извергов и их украинских поделничко-головорезов. Об этих трагических событиях я, как мог, написал в своих автобиографических книжках. Одну из них «Детдомовцы из Сум» посылаю Вам. Если что-нибудь Вас заинтересует из этой книжки – можете использовать на страницах «Еврейских вестей».

О том, что видел и помню, я рассказывал своему другу – Леониду Трахтенбергу, который работает в г. Винница в благо-

творительном центре «Хесед Эмуна». Благодаря ему, в минувшем 2017 г. в моем селе Удыч установлен памятник троим евреям, зверски убитым в 1943 г. А также изготовлен памятник 12 мальчикам-подросткам, расстрелянным в конце 1941 г. в совхозе Яцковице, на территории села Долинка Монастырищенского района Черкасской области. Памятник будет установлен весной этого 2018 года.

Пишу эти скорбные воспоминания в День памяти Холокоста.

Михаил Каминский,  
с.Удыч  
27.01.2018 г.

P.S. О том, что довелось пережить в период немецкой оккупации, я рассказал своей старшей сестре – Инне Каневской-Петровой, которую разыскал после войны в Киеве (уже покойная). Она мне сурово наказала: «Миша, напиши обо всем, что помнишь, что пережил в оккупации. Ты умрешь – и никто не узнает, как тебе и брату Грише удалось избежать расстрела и выжить...»

Я, как мог, выполнил наказ сестры. Написал объемную рукопись «Вечная боль души». Поехал в Киев на Неманскую, 7 и лично отдал ее в руки Ильи Михайловича Левитаса с надеждой, что она увидит свет. Но в то время я был «зол, как сокол». Денег у меня не было. Прошло несколько лет. Появились деньги, но рукопись исчезла... Писать заново не было желания и сил. Написал позже «Детдомовцы из Сум», но мои родственники – Н.И. Шапиро и Б.М. Аксельруд, Галина Матвеевна Аксельруд – заставили вновь вспомнить и написать книжку.

С трудом зашевелил свою старческую заскорузлую память – и написал. Но это была уже не та рукопись, многое забылось, ушло из памяти.

Книжка вышла из печати в Киеве, в издательстве ООО «Журнал «Радуга» в 2006 году. Отдал за нее все, что имел за душой...

## Монолог з Тарасом

Із днем народження, Тарасе,  
Від тепличчан тобі уклін!  
Твій «Заповіт» у душах наших,  
Ми піднімаємось з колін.

Ти над Дніпром стоїш на кручі  
Незмінний, вічний вартовий.  
Твої поезії пророчі,  
Ти в нашій пам'яті живий.

Як при тобі цвіте калина,  
В гаях вигукують сичі.  
Розбагатіла Україна –  
З'явилися знову панічі.

Прости нас грішників, Тарасе,  
Що знов панями себе звем.  
Твої лани широкополі  
Лиш навівають сум і щем.

Найкраща в світі в нас земля,  
Неоціненний чорнозем,  
Та з-за кордону десь здала  
Чуже в Україну везем.

Твого спасителя Брюлова  
Ми хочем також пом'янути,  
Лише шкода, що його мову  
У нас «москальською» зовуть.

Твої красуні Катерини  
Везуть на продаж свій «товар»  
В Стамбул, Багдад, Берлін, Афіни,  
В бордель, в невільницький базар.

І десь на Віслі чи на Майні  
Себе за евро продають,  
Роботу матимуть у спальні  
І німчик скаже: «О, зер гут!»

І немовлят ще несповитих,  
Лиш відірвавши від грудей,  
Здають за гріш в домівки ситих,  
Чужих, далеких нам людей.



Твої ріднесені внучата  
В Парижі десь, «месью пардон»,  
Кмітливі дужі козачата  
Везуть талант свій за кордон.

Колись і я, батьку Тарас,  
Малим, як ти, ягнята пас.  
Стернею, босими ногами  
Гонив до річки долинами.

І гірко плакав, бо без мами  
Самотнім жив в чужім краю.  
В конюшні з кінями і волами  
Сирітську душу грів свою.

І ти, Тарасе, в комірчині  
При світлі тьмяної свічі,  
У Петербурзі, на чужині,  
Писав «Кобзарика» вночі.

І серцем бачив Україну,  
Свою старесеньку хатину  
У Моринцях, в краю села.  
Тебе там мати народила  
І в люди доля повела.

В твій день народження, Тарасе,  
Низький уклін приймай від нас,  
З нами з Чернечої гори про свій народ,  
Про Україну і про Дніпро поговори.

Михайло КАМІНСЬКИЙ



# Творчі зустрічі з Шолом-Алейхемом

Сто два роки тому, 13 травня 1916 року у Нью-Йорку, відійшов у вічність великий єврейський письменник Шолом-Алейхем, більша частини життя якого, від народження, пройшла в Україні. Частина його життєвої та творчої біографії пов'язана зі Львовом, на той час, столицею королівства Галиції та Лодомерії в складі демократичної Австро-Угорської імперії.

Варто нагадати читачам деякі рядки з біографії великого письменника та обставини його приїзду до Львова з родиною у 1905 році.

Шолом-Алейхем, справжня ім'я та прізвище Шолом Нахумович Рабинович, народився 2 березня 1859 року у містечку Переяслав на Полтавщині (тепер Переяслав-Хмельницький) в родині дрібного крамаря. Дитячі роки пройшли у містечку Вороньки неподалік від Борисполя. Навчався у хедері – єврейській початковій релігійній школі. Згодом, під впливом єврейської просвітницької літератури, займався загальною освітою, навчався у повітовій школі. Після закінчення школи працював домашнім вчителем у єврейського магната Єлімелеха Лоева. У 1880-1882 роках працював громадським рабином у Лубнах. Після одруження з донькою Лоева у 1883-1887 роках працював у Білій Церкві. У 1887-1890, 1893-1905 роках жив у Києві (він називав його у своїх літературних творах Єгупцем), де займався торгівельними справами. Після єврейських погромів по всій Росії, в тому числі в Києві, спровокованих у 1905 році Синодом Російської Православної Церкви, змушений був, заради порятунку родини, покинути улюблений ним Київ.

Прибувши до Львова з родиною Шолом-Алейхем був вражений зовсім іншим устроєм життя. Тут євреї – бідні й заможні – почувалися більш захищеними громадянами, не необмеженими у свої правах на духовний та культурний розвиток, на відміну від безправних, загнаних Російською імперією у своєрідне гетто для євреїв "черту оседлости". Замешкавши на вулиці Котельній, 1 (нині Котлярська) у середовищі колишнього Краківського Передмістя, він почав знайомитися з духовним та культурним життям євреїв Львова та Галичини.



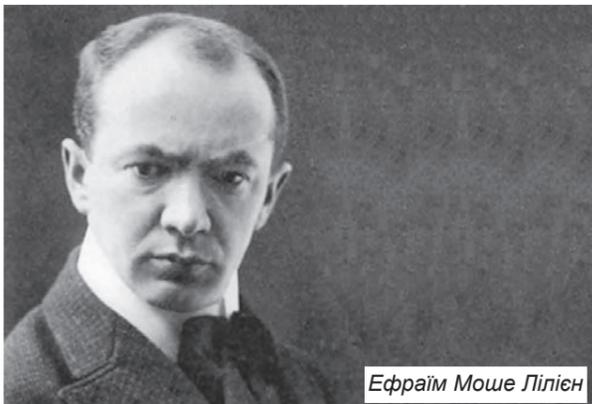
Шолом-Алейхем вражало у Львові все, що було пов'язано з реалізацією можливостей, які отримали євреї Австро-Угорської імперії після прийняття у 1867 році Конституції. У Львові діяло 27 синагог – яких хочеш: ортодоксальних, прогресистських, цехових, братських. Але найбільше Шолом-Алейхем вразила велика кількість будівель у Львові, які були побудовані за кошти єврейської громади міста і в яких були розташовані різноманітні єврейські культурні та просвітницькі організації, а та навіть єврейський театр. На вулицю Ягеллонську, 11 (Гнатюка), де був розташований єврейський театр, Шолом-Алейхем прийшов на другий день свого перебування у Львові. Там він відразу познайомився з антрепренером Якобом Бер-Гімплем та видатним львівським художником – графіком Ефраїмом Лілієном, який прагнув і на сцені зберегти дух і традиції релігійних та народних свят єврейства. Саме Лілієн подарував Шолом-Алейхему оформлену ним книжку, на сторінках якої була зображена Менора та поважні євреї у талесах. Цю книжку Шолом-Алейхем зберігав до кінця життя.

І переживши перші враження від зустрічей з колективом театру, Шолом-Алейхем продовжував активно знайомитися з іншими творчими єврейськими колективами та з діяльністю єврейських громадських об'єднань, діяльність яких була спрямована на просвіту та навчання євреїв.

Відвідав він також збудований єврейською громадою у 1903 році на вулиці Святої Терези (нині митрополита Ангеловича) єврейський Академічний Дім, який був осередком єврейської культури. В ньому вільно розташувалися товариство "Спілка", товариство "Штука", хор "Кіно", який заснував і яким керував обдарований музикант Ян Галль, тут діяв камерний єврейський оркестр.

Не міг Шолом-Алейхем у своїх прогулянках по Львову оминати розташований недалеко від центру Передмістя, на вулиці Берштайна (нині Шолом-Алейхем), зведений

у 1904 році, чудовий будинок єврейських виробничих об'єднань "Яд-Харузім". В ньому була зала із сценою та безліч кімнат, в яких були розташовані різноманітні спілки та об'єднання. Але найголовніше, що тут, в "Яд Харузімі", знайшла притулок знаменита на весь світ



Ефраїм Моше Лілієн

єврейська Театральна Корпорація, заснована ще видатним єврейським драматургом А. Гольдфаденом.

Чим більше знайомився Шолом-Алейхем з єврейським життям у Львові, тим більше зростало його здивування, от тут поруч з будинком, де він мешкав, є зал "Хасса". Туди на Шпитальну, 38, приходили дрібні купці – євреї з Передмістя слухати лекції та музичні вечори, приходив туди Шолом-Алейхем не тільки, як вдячний слухач, але також по запрошенню для виступів.

Неподалік від дому, де він проживав, знаходилося єврейське освітянське товариство "Тойнбі'хала", яке постійно запрошувало його для виступів. Чим далі, тим більше зростало його здивування, коли він дізнався, що в центрі такого великого міста, як Львів, євреї утримували освітянські клуби, де читали лекції професори та виступали знані єврейські письменники. Дізнавшись, що на вулиці Сиктуській, 21 (Дорошенка) знаходиться Клуб єврейської інтелігенції, Шолом-Алейхем постійно відвідував його засідання. Він знайшов нових друзів – шанувальників його творчості....

Після майже 50 років проживання в умовах приниження та морального тиску, державного російського антисемітизму та шовінізму, саме тут, у Львові, він відкрив для себе зовсім, зовсім інший світ. В багатонаціональному Львові мирно співіснували різні національні громади, інколи, зовсім поруч були розташовані українські греко-католицькі храми, костьоли та синагоги. Особливий інтерес був до культурного життя української громади Львова, письменник вільно володів українською мовою.

Вони не могли не зустрітися у Львові – два видатних письменники Іван Франко та Шолом-Алейхем.



Титульний лист видання роману "Блукаючі зірки". Варшава, 1913 рік

Їхня перша зустріч відбулася в кафе "Монополь" на площі Маріацькій, 8 (площа Міцкевича), поруч із щойно встановленою у 1905 році колоною-пам'ятником Адаму Міцкевичу та статуєю Матері Божої. Після вистави у єврейському театрі Гімпля, відомий меценат Левіус запросив акторів, які були зайняті у виставі та почесного гостя театру Шолом-Алейхем до кав'ярні "Монополь". Ця престижна кав'ярня була центром богемного життя Львова. В ній були встановлені три віденських більярди, була читальня з книгами на різних мовах, а також газети з різних

країн. В кав'ярні можна було не тільки випити каву або чай з солодощами, головне – відвідувачі "Монополя" мали можливість довгий час спілкуватися один з одним. Тобто, це була не просто кав'ярня, це був клуб, який відіграв помітну роль у житті творчої інтелігенції Львова.

При першому знайомстві Шолом-Алейхем та Іван Франко здивували один одного. Єврейський письменник чудово володів українською, а українець – поет та письменник Іван Франко, не гірше від самого Шолом-Алейхем, володів мовою ідиш. Шолом-Алейхем розповідав Івану Франку про свою творчість та про утиски царського уряду на Великій Україні проти євреїв, українців та української культури. Іван Франко розповідав про діяльність українських просвітницьких організацій НТШ та "Просвіту", активним членом яких він був, про українську видавничу справу в Галичині. На протязі 1906 року вони неодноразово зустрічалися в кав'ярні "Монополь" та поза нею. Велетнів двох таких різних культур об'єднувало взаємоповага та однакове відношення до прав бідних "маленьких людей". Іван Франко переклав на українську мову цілу низку оповідань Шолом-Алейхем та сприяв їхньому розміщенню в популярній у Львові українській газеті "Зоря Галицька".

Але найбільшим захопленням Шолом-Алейхем, за час його проживання у Львові, було відвідування вистав різноманітних єврейських пересувних театрів, які з успіхом гастролювали у Львові. Саме у Львові Шолом-Алейхем, великий пересмішник з його гострим іронічним поглядом на творчість артистів єврейських театрів, почав працювати над чудовим романом про театральне життя "Блукаючі зірки". Так одна із глав роману починається словами: "У Львові віддавна існував єврейський театр"....



До речі, у тому ж романі є чудовий опис кав'ярні "Монополь", де в Шолом-Алейхем відбувалися незабутні зустрічі та бесіди з Іваном Франком та багатьма діячами єврейської та української культур.

На початку 1907 року Шолом-Алейхем назавжди покидає гостинний та толерантний Львів, залишивши по собі найкращі спогади серед галичан та, по запрошенню, виїздить до США. У тому же 1907 році знов повертається до Європи та їде до Женеви, де була видана перша частина його повісті "Хлопчик Мотл". З 1908 року письменник жив та працював в Росії, Швейцарії, Австрії, Італії, Німеччині. В ці роки він активно займається літературною та громадською діяльністю. Однак все сильніше дає себе знати невилковна хвороба того часу – туберкульоз, всупереч якій, він натхненно працює над своїми новими творами та постійно влаштовує гастролі з публічним читанням їх.

З початком Першої світової війни у 1914 році Шолом-Алейхем, як російський підданий, був інтернований та висланий з Німеччини у нейтральну Данію. З часом він перебирається до Нью-Йорка, де прожив останні роки свого життя.

13 травня 1916 року після тяжкої хвороби Шолом-Алейхем відійшов у Вічність, залишивши Людству велику спадщину: десять романів, двадцять п'єс, сотні повістей та оповідань, багато статей.



Меморіальна дошка Шолом-Алейхем

Творчість письменника забарвлена українським колоритом, у творах подані описи української природи, використано українську лексику, фольклор. Більшість подій, про які писав Шолом-Алейхем відбувалося в Україні. Його праці виходять мільйонними тиражами в перекладі на багато мов Світу, в тому числі на українську й, доки люди різних національностей будуть читати написані ним книги та відвідувати вистави по його п'єсах, буде жити пам'ять про великого українського єврейського письменника Світової Слави Шолом-Алейхем.

Марко СІМКІН



# Вручення премії імені Шолом-Алейхема: не тільки про Голокост

2 березня 2018 р. в музеї Шолом-Алейхема в Києві відбулося вручення державної літературної премії імені Шолом-Алейхема. Можна сказати, що цього року щорічна премія, започаткована ще 2009-го, майже водночас із відкриттям затишного музею, одержала нове життя: відтепер її вручатимуть щороку. Окрім того, ідуть перемовини про те, аби жоден автор і твір не були обмежені часом подачі і могли неодноразово, а хоч би й кілька років поспіль номінуватися на звання лауреата. Нагадаю: наразі у положенні про премію є обмеження



Заст.міністра культури України Юрій Рибачук вітає Маріанну Кіянзовську

на давність твору, висунутого на здобуття премії: він не може бути надрукований раніше, ніж за три роки до факту пропозиції його до номінації. Жанрова й тематична палітра премії доволі широка: номінантами можуть бути письменники, перекладачі, сценаристи та драматурги; твори ж, подані на здобуття премії, мають «популяризувати духовно-культурні надбання українського та єврейського народів, сприяти поширенню позитивного іміджу України в світі», та, власне, передусім пропагувати загальнолюдські цінності.

Якщо в літературі є імена, що асоціюються в читача з життєствердністю та співчуттям, – то, ймовірно, ім'я класика єврейської літератури їдишем має бути серед них. Зрештою, Шолом-Алейхем – чи не єдиний єврейський класик, відомий широкому колу українських читачів. Тож не дивно, що державна українська премія, одною з цілей якої є розповсюдження гуманістичних ідей та подолання темряви стереотипів, названа на честь великого єврейського автора, одного з «батьків» їдишської літератури. На цьогорічному врученні премії пролунала свіжа думка, і висловила її минулорічна лауреатка премії, знана поетеса й перекладачка, популяризаторка їдишської літератури Валерія Богуславська: те, що премію імені Шолом-Алейхема вручають не лише авторам – євреям за походженням, говорить про позитивні зміни в українському суспільстві, про те, що теми, пов'язані з єврейською історією (в першу чергу на території України, звісно), цікаві не лише єврейському населенню країни.

Цього року, 2-го березня, у 159-ту річницю від дня народження ушавленого автора, лауреаткою премії його імені стала львівська поетеса, письменниця та перекладачка Маріанна Кіянзовська, зі збіркою поезій «Бабин Яр. Голосами». Однак, мало назвати звичайною збіркою сучасних українських поезій цю книгу, що вийшла у 2017 році у видавництві «Дух і Літера». І справа тут не у темі, на яку не відважується багато літераторів сучасності, та не відважувалися й раніш – і не лише через придушення мистецьких голосів, скажімо, у радянські часи. Справа в тому, як саме тема ця подана – стенографією голосів душ померлих у Бабиному Яру, що їх літераторка почула, прожила. Пропустила крізь себе. За візуально спрощеним, народним, рефренним мовленням стоять глибокі переживання чужого життя – й чужої смерті. Про збірку «Бабин Яр. Голосами» сказано вже, далєбі, багато, збірку називають феноменом нашого часу, Кіянзовську – поетесою-візіонеркою. Грамотне обрамлення невеличкої книжки роботами визнаних майстрів: дуету Ади Рибачук і Володимира Мельниченка та портретиста Голокосту Зіновія Толкачова, – роблять вірші ще більш проникливими й пронизливими. Під час нагородження пані Маріанна висловила тепло і надзвичайно зворушливо щодо того, які зміни сталися в сучасній Україні: у книгах, що в ній публікуються; в людях, які небаїдує ставляться до минулого й сьогодення; в темах, якими вони переймаються. Наразі збірка поезій «Бабин Яр. Голосами» одержала широкий позитивний розголос і є частиною

сучасного українського літературного процесу.

Бабин Яр – глибоке й майже невичерпне джерело для рефлексії, досліджень та сумного натхнення не тільки для киян. Де ж, як не тут, і коли, як не зараз, говорити про Бабин Яр – на премії, названій іменем письменника, що так чутливо завше реагував на несправедливості, відгукався на всі страждання свого народу, відкрито виступав проти погромів, за невинність Бейліса, і написав відомий своєю гіркою іронічністю «Кривавий жарт», у якому два молодих товариша, єврей і християнин, домовляються з власної волі помінятися місцями й поглянути на світ навколо очима людини з принципово іншою соціалізацією – й іншим до неї ставленням у суспільстві...

Книга видатного вченого, публіциста, мемуариста й історика, члена-кореспондента Національної академії наук, дійсного члена Національної академії медичних наук Ісаака Трахтенберга «Бабин Яр. Минуле і сьогодення», що вийшла друком у видавництві «Авіцена», може стати – і, напевно, вже стала джерелом інтересу молоді єврейської й української громадськості, зацікавленої у вивченні історії Голокосту. Минулого року вона увійшла до складу Всеукраїнського рейтингу «Книжка року 2017» у категорії «Публіцистика/сучасні мемуари». Книга Трахтенберга є послідовним і глибоким зібранням спогадів, листів, документів, прив'язаних до історії Бабиного Яру, який постає не синхронічним місцем одноразової



Валерія Богуславська

трагедії, а радше діакронічною територією людського краху, загибелі, надії та боротьби. Книга написана у властивій академіку манері спогаду та аналізу, де за кожним рядком стоїть багаторічна робота, а кожна теза є відгалужкою іншої. В тексті зібрано спогади науковців та очевидців Бабиного Яру різних років, долі яких так чи інакше зачеплено трагедією. Проте, «Бабин Яр. Минуле і сьогодення» не є простою музейною колекцією фактів – вона читається як правдива мемуарна література, як есей, що постав із питань, які людина, сповнена співчуття до горя ближнього, ставить собі і світу. За цю свою роботу Ісаак Трахтенберг був нагороджений Відзнакою Комітету з премії імені Шолом-Алейхема в номінації «Краща публіцистична документальна книга». Окрім цього, він одержав подяку Міністерства культури України за багаторічну плідну діяльність у Комітеті з премії імені Шолом-Алейхема, вагомий внесок у формування загальноукраїнського культурного контексту та сприяння гармонізації міжнародних та міжконфесійних взаємовідносин.

За статутом, в один рік у премії може бути лише один лауреат. Однак, цього року на врученні премії було кілька особливих нагород, і серед них – за блискучий переклад роману «Хлопчик у смугастій піжамі» Джона Бойна, в номінації «Кращий переклад», відповідно. Чудова перекладацька робота Віктора Шовкуна, що вийшла у «Видавництві Старого Лева» у 2017 році, настільки, наскільки можна, передає українською всі тонкощі англійської словогри, за якою приховано другі й треті смисли окремих слів, поведінки кожного героя і всього роману в цілому. Сам роман надзвичайно вдалий, і свого часу одержав достойну екранізацію від кіностудій BBC та Neuday у 2008 році. Світ, поданий Бойном у романі, – це світ концтабору очима того, хто не є ані його в'язнем, ані наглядачем; світ дорослих очима дитини; світ страждань очима неусвідомленого носія типової містянської психології. Так, це, в першу чергу, притча, яка може конкурувати за місце під сонцем із «Повелителем мух» Вільяма Голдінга: тут діти так само є водночас і просто дітьми – і представниками цілого величезного соціуму, утіленням найкращих і найгірших сторін культури, в якій

були виплекані. Віктор Шовкун – знаний перекладач, поліглот, літератор, лауреат багатьох премій за кращий переклад, у тому числі премії імені Сковороди 2004 року та премії імені Максима Рильського 2009. Серед його відомих перекладів – «1984» Джорджа Орвелла, «Код да Вінчі» Дена Брауна та багато інших. Якщо судилося «Хлопчику у смугастій піжамі» потрапити до шкільної програми та на обговорення під час університетських круглих столів з літератури (а це, безперечно, лише питання часу) – то нехай ця історія потрапить у руки молодих читачів України перекладена саме Віктором Шовкуном.

Серед номінантів премії імені Шолом-Алейхема 2018 року було насправді чимало львів'ян – і не лише у сенсі походження автора: з одинадцяти книжок-номінантів чотири вийшли друком у «Видавництві Старого Лева». Всі ці книжки – переклади правдивих явищ у світовій літературі та в дослідженні/рефлексії історії Голокосту до, під час і після його катастрофічних подій. Одною з книг-номінанток зі Львова була прониклива, майже детективна книга-спогад (чи, може, книга-сповідь) Іди Фінк «Подорож» у перекладі Наталі Римської, есеїстки, перекладачки, редакторки, філологині. Книга, що здається простою історією втечі двох молодих єврейських жінок від жаху страшної смерті, насправді затягує не лише динамічним сюжетом – але й особистістю історії, в якій у головній героїні, альтер-его авторки, з'являється щось на кшталт розшарування особистості, і нова особистість проявляється щоразу, коли героїні час змінювати одні підроблені документи на інші. Якщо і була цьогоріч серед номінантів премії книга, яка повноцінно передає стрес тих, хто втікає від нелюдськості, жах єврейського населення перед безумством расистської «влади» – то це книга Іди Фінк. Цей роман також проходить тест Бехдель, однозначно і беззаперечно: в ній багато іменних жіночих персонажів, ці снують не окремо одне від одного, спілкуються між собою і говорять не про чоловіків – а геть про інше. Про виживання. Копітка праця Наталі Римської з першоджерелами дала свої плоди: багатомовна, багатодержавна історія розквітла й українською. Ця книга – бомба гуманності пришвидшеної дії.

Наступний номінант, так само переклад, так само зі Львова і так само про Львів (адже й у Фінк з'являється це вистраждане, порізане Голокостом місто) – історія боротьби за сучасну гуманність, історія «маленьких людей» у вирі Нюрнберзького процесу. Історія появи таких, здавалося б, звичних для нас сьогодні понять: «гено-



Павло Мигалья

цид» і «злочин проти людяності». Книга Філіпа Сендса «Східно-західна вулиця. Повернення до Львова» у перекладі Павла Мигалья, перекладача та музиканта. Пан Павло перекладає з англійської та французької, співпрацює зі львівськими видавництвами і перекладає здебільшого філософські есеї – тож не дивно, що йому так влучно вдалося передати медитативний, дещо в'язкий, самозанурений темп і стиль Сендса. «Східно-Західна залізниця» буде цікавою досить широкому колу читачів: від дослідників львівської картографії та юридики – до людей, зацікавлених гуманітаристикою в найширшому значенні; від тих, кого приваблює стародавність, – до тих, хто дивиться у майбуття; від тих, хто прагне повернення голосу жертвам, що вже нічого не можуть сказати, – до любителів складних романів-досліджень. Як так вийшло, що одні люди знищують тисячі братів по розуму, а інші ігнорують цей злочин? Звідки беруться цивільні герої? Як склалися долі жертв, катів, захисників і обвинувачувачів після війни? Складна для розуміння, але дуже важлива книга, об'єктивно. І завдяки Павлові

Мігально її тепер може прочитати кожен неангломовний український громадянин.

Останній, та не останній за значимістю номінант-переклад – книга, що вже стала класикою мемуаристики та філософської думки; книга, що викликає спротив і надію, гнів, обурення і тугу, розуміння і бажання самому відповісти на поставлене в її назві питання. Роман Прімо Леві «Чи це людина» у перекладі Мар'яни Прокопович вийшов у «Видавництві Старого Лева» 2017 року. До речі, під час вручення премії Шолом-Алейхема за величезний внесок у культурне життя книжкової України одержало нагороду і це чудове львівське видавництво. Чи це людина – той, у кого відібрали ім'я, особисті речі, навіть волосся з тіла, навіть право говорити, навіть право відпочивати, навіть право думати про завтрашній день? Навряд чи кожен читач зрозуміє, що є «людиною» для автора – і хто є людиною. Ця книга не проста, різка, гірка, сповнена болю і жалю; це книга-мемуар людини, що у 1943 році опинилася в концтабірній системі Освенциму. На відміну від багатьох історій, розказаних очевидцями, вона не закінчується на моменті, коли табір полишають наглядати й кати. Автор, разом із читачем, поволі проходить зворотній процес відновлення людяності. Це одкровення людини, яка вижила й повернула собі відчуття того, що вона таки людина. Цей твір у перекладі Прокопович, імовірно, теж час почати вивчати у школах, аби лозунг «ніколи більше» із сухого мотто перетворився, нарешті, на живу ідею, яку на свій штиб проживає і розуміє кожна людина. І з тим, щоби принести цю палаючу голівню в руки українських читачів, пані Мар'яна, професійна літературна перекладачка, мовознавиця й лексикографиня, членкиня Національної спілки письменників України та лауреатка премії «Ars translationis» імені Миколи Лукаша, впоралася досконало.

Іншим твором-«некиянином», що був серед номінантів на здобуття премії, стала збірка поезій вінничанина Сергія Татчина «Семисвічник». Направду, окрім самої назви, з першого погляду, в цій добірці більш ніщо не стосується єврейської тематики. Сімдесят сім поетичних творів, розділених на сім циклів по одинадцять у кожному, присвячені, однак, темам, які присутні в житті будь-якої чи майже будь-якої великої громади, що має досвід переживання традиційних для людської історії травм: взаємодія між людиною і її оточенням; людиною і її містом, історією, культурою; чоловіком і жінкою; людиною і Богом; людиною і війною. Обмеженість тем ажніак не робить обмежену мову Татчина: він правдивий майстер асонансів, внутрішніх рим, прихованих у рефренах самовідроджуваних смислів. Про чийого Бога говорить ліричний герой? Про християнського, юдейського чи, як казав один із персонажів Шолом-Алейхема, Тев'є-молочар, «нашого спільного»? Що то за чоловік і жінка, хто вони і звідки? Що то за війна – на Сході України? В Ізраїлі? Чи це племінні загальнолюдської війни, кінця якій допоки не видно? І що то за місто – Вінниця, сповнене багатотою української, польської – але і єврейської історії, яка дише Єрусалимкою, а видихає дощами над залишками старовинних мурів і водонапірною вежею? Природа, що раз за разом міняє сезонні шати на сторінках «Семисвічника», знищує минуле – ставку Гітлера неподалік Вінниці, стару целу напівзабутих єврейських будинків і колишніх крамниць. Світ розмивається, мов від пера художника Альтмана – і що залишиться від того



Станіслав Бондаренко

світу, як завжди, вирішувати двом: чоловіку і жінці, Богу і людині, авторові і читачу. «Семисвічник» – одна з найсильніших україномовних поетичних збірок 2016 року. Тому у конкурсному списку на здобуття премії опинилася вона не дарма.

Маріанна Кіановська та Сергій Татчин – не єдині поети, що їхня творчість була оцінена Комітетом премії імені Шолом-Алейхема. Серед номінантів була і надзвичайно київська, за сюжетами й мовою, поетична добірка – книга поезій Станіслава Бондаренка «З ким

Місто говорить», видана у 2017 році в Києві, виданням «Український пріоритет». Простота рядків, упізнаваність місць, відсутність упередженості щодо Правого та Лівого берегів Дніпра, досконале знання географії та історії міста, його маленьких таємниць і референцій, що ними багаті сторінки творів про Київ, написаних в усі епохи, – це «З ким Місто говорить». Ліричний герой від'їздить із Міста (так-так, саме з великої літери, просто-таки як у Булгакова) – але не полишає його. І, де б не був, лине серцем сюди: в Місто, яке свого часу Шолом-Алейхем мав намір поставити вище за Париж і Берлін і в якому хотів, зрештою, померти.

Київ – вічна тема. Вічним, іронічним, таємним, сповненим своєю говіркою, теплотою і щирістю є Київ у єдиному російськомовному творі цьогорічної премії імені Шолом-Алейхема: «Город Миров», з наголосом на перший склад, зібрання повістей Сергія Черепанова. Виданий у 2016 році київським журналом «Радуга», серед авторів якого немало цьогорічних і попередніх номінантів премії, цей вінок високоякісної прози читається легко, швидко і з посмішкою, яка, втім, ближче до кінця перетворюється на класичний шолом-алеїхемівський сміх крізь сльози. Автор мав сміливість не перекладати текст українською, а подати його російською – а це нині багато що важить: адже він показує, що будь-якою мовою можна передати любов, і красу, і чари побутового життя, і щирість, і відданість своєму місту. Зрештою, у часи, про які пише Черепанов – поет, прозаїк, лауреат багатьох міжнародних премій, – багато киян, а особливо киян-євреїв говорили саме російською. І знову головний герой – юна особа, хлопчик, згадка про власне дитинство і юність, лінза, крізь яку постає, зі сміхом і ореолом наївності, складний, подекуди страшний і нелогічний



Вітання директора музею Шолом-Алейхема Ірини Клімової

дорослий світ. Життя вирує навколо родини героїв, у державі і світі відбуваються зміни, багато що доводиться приховувати, говорити пошепки. Здається, що герої говорять одною, а насправді – двома мовами: домашньою й тою, якою вони роблять вигляд, що все гаразд. І є третя мова: та, якою сам до себе говорить про світ навкруги, про Київ і своїх близьких маленький хлопчик, герой «Города Мирова». Київська говірка, ритуали і загадки; рівне тепло без тіні, бальзам на душу і рани міста і його людей – ось яким є цей твір.

На поціновувачів пікаресного жанру, романів про шахраїв цьогоріч чекав цікавий сюрприз: роман у повістях зведеного письменника, афориста, поета і художника Михайла Юдовського. Ще один киянин за походженням, Юдовський відомий поколінню нинішніх «молодих дорослих» за книгою, написаною спільно з Михайлом Валігурою, «Пригоди Торпа й Турпа». Їдкий, дещо агресивний гумор Юдовського – одна з його візитівок. Не лише одесити, але й кияни мають почуття гумору, і Юдовський доводить це щоразу. Його книга «Наволоч» оповідає про пригоди молодого циніка-«вільного художника», який шукає себе у світі, а заразом, ошукуючи людей і ошукуючись сам, поступово приходиться до розуміння людських цінностей. Твір вийшов у перекладі з російської на українську (переклад робив сам автор) у 2017 році у видавництві «Фабула», в серії «Сучасна проза України». Напевно, наразі цю книгу одного з найбільш цитованих саркастиків уже теж «розтагли на цитати», що точно свідчить про її популярність.

Якщо «Наволоч» Юдовського є книгою почасти автобіографічною, або ж щонайменше вигаданою автобіографією – то збірка оповідань «Ріка життя» за авторством Бориса Фінкельштейна, письменника, чий твори виходили українською, російською, кримо-татарською, французькою, – це певним чином повноцінна сповідь і альбом доль, міст і особистостей, з якими автора зводило це життя. Свого часу пан Борис очолював Кримську організацію Національної спілки письменників України, та потім, під час експансії Росії на півострів, був

змушений залишити Крим. Життя Фінкельштейна – це справжній діамант, що сяє всіма гранями неймовірного досвіду: подорожі, знайомства, зміни професій, неймовірні зустрічі й карколомні пригоди... Пан Борис використав чудовий прийом: опис простого життя, свого життя, через зустрічі зі звичайними людьми, що якимось уплинули на його долю, на те, ким він є і був. Ці маленькі долі є го-



Сергій Черепанов

ловною перлиною книги. Історія дорослішання людини, суспільства, країни – це історія, записана на сторінках «Ріки життя», розмаїтої, як і саме людське існування. Видана у 2016 журналом «Радуга», «Ріка життя» вже встигла полюбитися читачам і побувати не на одному творчому вечорі.

Як бачимо, палітра номінантів цього року, іще більш широка, ніж у попередні роки, дозволяє сподіватися, що премія збиратиме під одним дахом цікаві і своєрідні взірці художньої літератури та мемуаристики, пов'язуючи між собою людей, теми, народи, мови і міста. І хай у кожного якісного твору, як завжди, є свої симпатии й критики, однак Комітет із присудження премії, що складається не лише з державних службовців, але і з літераторів, митців у найширшому значенні, суспільних діячів і вчених, намагається оцінити кожну деталь, кожен факт, кожне слово. Лавровий вінець державної премії імені Шолом-Алейхема є визнанням не лише суто текстуальної якості твору – але й важливості, глибини і популярності поданої в ньому тематики. А номінація на здобуття премії – це чудовий спосіб дати розголос гарній, роз-



маїтій, якісній літературі, чия щирість і життєствердність не викликає сумнівів. Великого Соломона Нохумовича Рабиновича – Шолом-Алейхема – нема на світі понад сто років – однак його сміх крізь сльози лунає зі сторінок тих, хто продовжив його справу. У їх творах оживає його краса буденності, велике в малому, багаточаровість форми й захопливість сюжету, живість персонажів та співчуття до всього людського, до всього живого.

Олександра УРАЛОВА,  
спеціально для «Єврейських вістей»

Всеукраїнська єврейська рада  
Фонд «Пам'ять жертв фашизму в Україні»  
Редакція газети «Єврейські вісті»  
поздоровляють з 85-літтям  
Праведницю Бабиного Яру  
Шуранову Зою Сергіївну  
Довгих років і щастя Вам!

# «Киевский Шлиман» — академик Петр Толочко

Как известно, вершиной научных достижений немецкого археолога Генриха Шлимана явилось открытие местонахождения легендарной Трои и раскопки. Директор Института археологии НАН Украины (1987-2017) доктор исторических наук, профессор, академик Петр Петрович Толочко своей «Троей» считает Киев. И действительно, вряд ли сегодня кто-то знает о стародавней истории Киева больше, чем он. Как считает Петр Петрович, ему повезло быть первым, кого привлекли к раскопкам Киева после того, как проводились академические экспедиции, в частности, под руководством выдающегося ленинградского археолога Михаила Константиновича Каргера. Профессор Василий Иосифович Довженюк, заведомо древнерусской археологии, как говорит, «бросил» его, молодого специалиста, «на Киев», и с 1960 года П. Толочко начал понемногу «раскапывать» «мать городов русских». Одной из впечатляющих находок археологической экспедиции, которую он возглавлял, стали древние срубы, отрытые в 1970-е годы при прокладке Киевского метро. Эта находка была значимой не только для Украины, но и для мировой археологической науки. Ведь она позволила опровергнуть гипотезу о том, что жители Киева IX-XI столетий в основном обитали в строениях земляночного типа. Тогда это открытие в прессе назвали «Киевские Помпеи», а имя молодого киевского археолога получило широкую известность.

С тех пор прошло много лет. Из-под пера исследователя вышло более 400 научных работ и более 100 популярных статей, 28 монографий, многие из которых представляют сегодня библиографическую редкость. Именно ему — пытливому ученому, который всегда старался разгадать загадки древнего Киева, удалось найти ответы на многие вопросы, поставленные событиями, освещающими историю Украины. Так, П. Толочко принадлежат приоритеты в изучении трагедии, произошедшей в давнем 882 году в урочище, известном нам под названием Аскольдова могила, а также в поисках пропавшей библиотеки Ярослава Мудрого. Подарил он нам также историю о судьбе киевского золотых дел мастера Максима, который создал изумительные по своей красоте и филигранности ювелирные украшения. Велик вклад историка-археолога и в изучение периода нашествия монголо-татар. Неоспоримы, приведенные П. Толочко, документы и факты, подтверждающие годовщину 1500-летия Киева.

Принципиальность, «неуступчивость» ученого во все времена делали (и делают) его «неудобным» для любой власти. Однако убедительность его выводов, опирающихся исключительно на доказательную научную базу, заставляет умолкнуть его критиков и недоброжелателей. О своих принципах научной деятельности (неизбежно пересекающейся с общественной) ученый поведал в интервью газете «Контракты». Поведал откровенно, не пытаясь себя «приукрасить», как это часто бывает. Полагаю уместным привести некоторые выдержки из ответов Петра Толочко.

«В 1976 году я написал докторскую диссертацию на тему "Киев и Киевская земля в XII-XIII веках" и подал ее в Институт истории Академии наук УССР. Там работал директором бывший секретарь горкома партии Арнольд Шевелев. Он поручил своим ребятам посмотреть, как там у меня с проявлениями национализма, а им только сигнал был нужен. Я ведь и на Грушевского ссылался, и назвал Киев «матерью городов русских», т.е. выходил настоящим киево-центристом, а в те годы это был синоним наци-

оналиста. Повторяю: я не был диссидентом, но за мной потянулся шлейф неблагонадежного. Академик Рыбаков, мой учитель, говорил: "Конечно, Толочко не националист, но надо внимательно к нему присмотреться. Как бы чего не вышло". И вот присматривались ко мне пять лет. Банальный для тех времен эпизод.

Все происходило так давно, что многое забылось. Но, действительно, было очень сложно. Мой вопрос даже рассматривали на секретариате ЦК КПУ. Дело в том, что в тот период мы с коллегой Михаилом Брайчевским восстановили издание "Киевской старины". Почему-то нашим партфункционерам показалось, что это идеологическая диверсия. До революции с таким названием выходил журнал "буржуазно-либерального" направления. Хотя я бы назвал его скорее прогрессивным: в нем печатались и Шевченко, и Марко Вовчок, и Михаил Драгоманов... Кроме того, в журнале мы опубликовали работу Максима Берлинского 1820 года "Описание Киева". А в ней попадались выражения наподобие: "Ее Императорское Величество Екатерина II...". Если вы еще не поняли, я объясню: это называлось опубликовать работу, где любуются царями. Итак, журнал закрыли. Брайчевского уволили из Института археологии. Мне вняли "строгача" на Президиуме Академии наук. И вот в это время я сдал свою диссертацию. Просто так все сложилось. Я тогда даже написал в ЦК: мол, не исключаю, что у меня есть ошибки, но не делал их сознательно: исправлю и тому подобное, однако меня уже никто не хотел слушать.



Презентация книги Петра Толочко «Украинцы в России». Слева направо: Петр Толочко, академик Национальной академии медицинских наук Украины Исаак Трахтенберг и Президент Украины (1994—2005 гг.) Леонид Кучма.

Но никогда в жизни мне не приходило в голову избрать другой вид деятельности или другую страну. Я себя просто не представляю в иных обстоятельствах. Могу бурчать, критиковать, но это все мое, родное. Потребительского отношения к жизни у меня никогда не было».

А вот как Петр Петрович аргументирует свою позицию в дискутируемом ныне вопросе о «единой колыбели братских народов»: «Я занимаюсь этим всю жизнь! А люди, в дипломах которых значится специальность "история Коммунистической партии", недавно переориентировались на историю Украины, мне сейчас пытаются рассказать, как там на самом деле было! И выдумывают невесты что! Давайте говорить серьезно. В советское время тезис о колыбели трех братских народов был скорее не научной формулой, а партийно-политической, впоследствии превращенной в идеологический лозунг.

Хотя, по сути, этот тезис абсолютно справедлив. Сегодняшние наши "историки", подвергая его сомнению, просто не понимают, о чем говорят. Главная проблема состоит в том, чтобы снова вывести "колыбель" из идеологической плоскости в научную. Если это сделать, окажется, что Древняя Русь, древнерусская этнокультурная общность стали основой для формирования трех восточнославянских и таки действительно братских народов: украинцев, белорусов и русских. И от этого никуда не денешься! Народы жили в едином государстве, и таким образом в этой воображаемой колыбели лежала тройня. Популярное сейчас предположение, что украинцы в те времена были, а русских и белорусов еще не было — чепуха. Не было еще ни тех, ни других, а была единая древнерусская народность.

...В 1619 году М. Смотрицкий написал "Грамматику славянскую", по которой учились в Киеве, в Москве, в других центрах всего большого восточнославянского мира. Возьмем, например, Пересопницкое Евангелие 1561 года, оно, как считается, переведено с болгарского на староукраинский. Действительно, там есть украинские слова и выражения. Но язык очень близок к древнерусскому. Поэтому тема колыбели не так проста, как кажется нашим национал-патриотам. Не надо на ней спекулировать. От того, что мы родственны россиянам и белорусам, никому не плохо, и ни к чему нас это не обязывает. Мы можем быть родственными и иметь отдельные страны».

Как глубокий и научно мыслящий исто-

ма ко мне, написанного в процессе работы над книгой.

«...Рукопись книги предполагаю сдать в начале следующего года. Я благодарен Вам за совет и инициативу знакомства с Иваном Бессмертным. На начальной странице, где будет обращение к читателю, будет сказано о том, что эта книга родилась благодаря его настойчивости, и что именно И. Бессмертному в значительной мере обязан ее осуществлением. Получается так, что, хотя Вы настойчиво мне это ранее советовали, я все же не хотел писать воспоминания. К тому же никогда прежде не обнаруживал у себя склонности к мемуарному жанру, дневниковых записей не вел. Но вот уж воистину справедливо утверждение, что человек предполагает, а Бог располагает... В содержании упомянутых бесед речь пойдет и о событиях общественных, важных не только для меня, но и для всей Украины, а также о людях, которые в этих событиях оставили свой след, к тому же сыграли огромную роль и в моей судьбе. Разумеется, о своих единомышленниках, людях близких мне по духу, друзьям я также не могу не вспомнить особо. Здесь память высвечивает общение со многими коллегами по Академии, в том числе и из числа медиков, к которым питаю и дружеское расположение, и неизменное уважение. Хотел бы попросить Вас, Исаак Михайлович, взглянуть на выдержки из беседы, в которой упоминаются Николай Михайлович Амосов, Платон Григорьевич Костюк, Владимир Вениаминович Фролькис, Юрий Ильич Кундиев. Ваши советы здесь были бы для меня важны. Прилагаю эти выдержки. <...> А в самом начале книги, которую думаю назвать в духе своего кредо (помнится, Вы как-то делились со мной впечатлениями от амосовского очерка "Кредо") — «И прошлое не проклинаю», предполагаю поместить свое небольшое стихотворное сочинение:

И новый день приемлю не всегда,  
И день прошедший я не проклинаю,  
Пока еще горит вечерняя звезда,  
Я опыт жизни собственной листаю.  
Не слишком радостны ее итоги,  
Свершений меньше, чем начал,  
Все меньше спутников в дороге,  
Все ближе вечности причал».

В начале 2011 года вышла книга Петра Толочко, посвященная жизнеописанию Ярослава Мудрого и его семейства. Презентация этой книги состоялась и в Клубе, и в благотворительном фонде Леонида Кучмы. Адресуя читателя, интересующегося историей в ее правдивом научном освещении, к конкретному содержанию этих и других неординарных трудов академика П.П. Толочко, отмечу весьма показательное обстоятельство. В своих книгах ученый выступает как неравнодушный автор, остро развенчивающий лженаучные, дилетантские, а в последние годы — просто невежественные, но претендующие на историческую достоверность положения и версии. Его не только научные работы, но и самобытные и не оставляющие недомолвок утверждения в печати, всегда, и особенно в последние два десятилетия, вызывают неоднозначную реакцию в различных общественных кругах. Я и мои коллеги-единомышленники являемся сторонниками П. Толочко и популяризаторами его призывов к правде в историческом освещении минувшего, к научным подходам в интерпретации событий, из которых следует извлекать уроки, к главенствованию общечеловеческих принципов высокой морали, нравственности, человеческой порядочности.

Не перестаю удивляться его полемическому искусству при острых дискуссиях, с уважением отношусь к его образному и точному по мысли, аргументированности, ассоциативности и исторической памяти публицистическому перу. В упомянутой выше книге о Ярославе Мудром на одном дыхании прочитал страницы «Вместо предисловия. Придуманый юбилей». Здесь не только критически затронуты конкретные положения, связанные с трактовкой личности Ярослава Мудрого, особенностей, примечательных черт, назидательных фактов его времени, но и раскрыты нынешние тенденции лженаучного освещения исторических событий. И не только далекого, но и более близкого прошлого. Автор отвергает указанные тенденции, остро и решительно выступает против попыток неоправданно бросать на достоверные факты и научный их анализ безосновательную, заведомо ложную тень сомнений. Вот как начинает П.Толочко вступительный раздел своей книги, о которой идет речь: «К сожалению, вынужден начать эту книгу не введением в тему, а рассказом о скандальной попытке украинских властей поставить под сомнение доброе имя одного из известнейших государственных деятелей Киевской Руси – Ярослава Мудрого, вошедшего в отечественную историю как выдающийся просветитель земли русской, строитель Киева и одного из наиболее величайших храмов – Софии Киевской».

Вот такова критическая преамбула, в которой звучит откровенный сарказм и в этом контексте и в последующем описании событий, памятных фактов, действий и особенностей исторических личностей. И нельзя не согласиться с автором, что это примечательный парадокс сегодняшних наших реалий: вчера определить личность как выдающегося украинца номер один, а сегодня свергнуть его с воздвигнутого пьедестала. Как действительно, по меткому замечанию П.Толочко, не вос-

кликнуть вслед за летописцем: «Великий, еси, Господи, чюдна дела твоя! Вчера чтимь от человекъ, а днесь поругаемъ».

Хотелось бы вспомнить давнишнюю книгу П.Толочко «Несповідимі путі України». В одном из своих прежних очерков, приведенном в третьей книге «Из записных книжек и не только», названном «Тревожные раздумья», я высказал сожаление, что эта обстоятельная, принципиальная и острая книга неравнодушного ученого и общественного деятеля вышла в свет весьма скромным тиражом. А ведь этот труд, в котором собраны его избранные публицистические и научно-популярные работы, заслуживает того, чтобы стать достоянием широкой общественности. В нем не только убедительно аргументируется необходимость консолидации интеллектуалов страны, но и содержится призыв к политической элите проникнуться чувством исторической ответственности. Примечательны слова Александра Городницкого, которые Петр Петрович предпослал основным разделам своей книги:

Неторопливо истина простая  
В реке времен нащупывает брод:  
Родство по крови образует стаю,  
Родство по слову – создает народ.

И еще нельзя не согласиться с тем – и об этом мы как-то подробно беседовали с Петром Петровичем – что в Украине следует создать такое гражданское общество и такую политическую нацию, чтобы представитель любого нашего этноса с достоинством мог сказать: «Я украинец!», как все граждане Франции, например, независимо от их этнического происхождения считают себя французами.

Петр Петрович – давний и верный мой доброжелатель и единомышленник. Очень это ценю и отвечаю ему дружеской взаимностью, глубоким уважением и поддержкой его независимой граждан-

ской позиции. Как и многие мои коллеги и друзья с интересом воспринимаю его публицистическое творчество и выход в свет неординарных исторических трудов. В последнее время полемические статьи П.Толочко приобрели настолько острый по содержанию и в тоже время образный и изысканный по форме характер, что все больше и больше привлекают внимание широкого круга читателей, отклики которых начали чаще публиковаться в прессе. Названия этих очерков и эссе сразу же вызывают предположение о неординарном предмете, подлежащем авторскому обсуждению, о нестандартном взгляде на нынешние реалии, об особых творческих и одновременно строго аргументированных новациях в подходе к оценке событий и прогнозу дальнейших событий. Приведу лишь в качестве примера некоторые из заголовков полемических статей неравнодушного академика: «Тысячелетие Софии Киевской: реальность или ученая фик-

ция?», «Генетически мы единый народ», «Левая идея и выбор власти в Украине».

Петр Петрович – неизменный участник заседаний Клуба имени Владимира Фролькиса, не раз выступал на этих собраниях с докладами по современным проблемам истории и социологии. Повторюсь, что его отличает четкая и принципиальная гражданская позиция, непримиримость к забвению прогрессивных традиций и опыта прошлого, утрате духовности и нравственности. Общение с Петром Петровичем, обмен мнениями и даже чисто житейскими впечатлениями, не говоря уже о проблемах общественных, доставляет большую радость. Но сегодня, завершая свой рассказ о моем друге академике Петре Петровиче Толочко, хочу в который раз отметить основную черту характера этого выдающегося ученого, без которой он не мыслим – свобода личности. А это дорогого стоит.

Академик Исаак ТРАХТЕНБЕРГ

## С ЮБИЛЕЕМ!

21 февраля отметил свой 80-летний юбилей известный украинский историк, археолог, профессор, академик Национальной академии наук Украины, народный депутат Украины III-IV созывов, дважды лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, член редакционной коллегии газеты «Еврейские вести»

**Пётр Петрович Толочко.**

Президиум Всеукраинского еврейского совета, правление Общества еврейской культуры Украины, редколлегия газеты «Еврейские вести» от всей души поздравляют юбиляра, желают ему здоровья и много новых свершений на благо народа Украины.

**И наше, еврейское, – ДО 120!**



# Да приумножится радость!

Самый веселый еврейский праздник Пурим уже зади, но Адар – месяц радости – продолжается.

Всеукраинский благотворительный фонд «Для тебя» и J-UP Network (независимая инициатива активных молодых профессионалов) снова объединились на Пурим (уже во второй раз), чтобы принести этот праздник в дома одиноких, немощных, обездоленных в Киеве и Киевской области, в Черкассах, Чернигове и Миргороде.

Мы счастливы, что с помощью наших замечательных волонтеров и единомышленников мы смогли внести свою лепту в увеличение радости и выполнить заповеди Пурима.

Наши «мишлоах манот» разлетись по разным регионам, чтобы одинокие и малообеспеченные люди смогли сказать заповеданные нам благословения на Пурим и иметь на своем столе традиционные «уши Амана». Но главное – они не были одиноки. Они почувствовали единство нашего народа.

Подарки нуждающимся и «мишлоах манот» друзьям и близким – не только красивая традиция, это и символ исправления ошибок прошлого: некоторой разобщенно-

сти и эгоистичности, приведшей, по сути, к возвышению Амана.

Делать Митцу здорово и правильно. Мы наполнили радостью сердца и дома тех, кто так остро нуждается в заботе и душевном тепле.

Наша инициатива Mitzvah4Purim была бы невозможна без наших партнеров, которым мы выражаем благодарность за поддержку:

- Миргородской, Черкасской и Черниговской общинам;
- «Волонтерскому центру» при Черкасском «Хэсэд Дорот».

И, конечно же, слова благодарности – нашим замечательным волонтерам, кто не остался равнодушным и сотворил это чудо вместе с нами.

«Вы действительно наполнили наш дом радостью. Спасибо, что не забываете нас! Ваши вкусности еще долго будут доставлять нам удовольствие, ведь мы ничего такого не можем себе позволить», – говорит Полина.

«Какое счастье, что в наши непростые времена все еще есть такие неравнодушные люди. Вы несете добро и тепло тем, кто уже потерял надежду быть нужным.



Спасибо огромное, что смогли организовать все таким образом, что именно в сам праздник очаровательные молодые люди пришли к нам с гостинцами и дали нам возможность выполнить заповедь благословений!» – говорит Игорь.

А мы говорим «спасибо» всем, кто принял наши «мишлоах манот», – и да приумножится радость!

#Mitzvah4Purim

На фото – проект в г. Черкассы



# «Тогда я свою задачу буду считать выполненной»

Как-то года полтора-два назад я по своим редакторским делам заехал в Институт медицины труда им. Ю.И. Кундиева НАМН Украины к академику медицины, многолетнему члену редколлегии нашей газеты «Еврейские вести» И.М. Трахтенбергу. В кабинете Исаака Михайловича находился интеллигентного вида мужчина с аккуратной, коротко постриженной седой бородкой. Беседовали они явно не о медицине, а, как мне показалось, о литературе, обсуждая какой-то текст. Исаак Михайлович предложил нам познакомиться. Мужчина протянул мне руку и произнёс: «Валерий Дружбинский». Я в ответ также представился. Поскольку, знакомясь, мы оба обошлись малым, назвав только свои имена и фамилии, получилась некая недосказанность, вызвавшая естественную паузу. И тут Исаак Михайлович, почувствовав скованность нас неловкость, говорит: «Валерий Иванович, Семён – редактор “Еврейских вестей”». Как мне тогда показалось, для моего нового знакомого это сообщение оказалось несколько неожиданным. Но оно в то же время и обрадовало его. Валерий Иванович заулыбался и, обращаясь ко мне, сказал: «А Вы знаете, я регулярно и с удовольствием читаю Вашу газету. Хорошая газета». Мы ещё минут десять поговорили о том, о сём – и Валерий Дружбинский, сложив в портфель страницы разложенного по столу текста, сказал, что его ждут неотложные дела, попрощался и ушёл.

Когда мы с Исааком Михайловичем остались наедине, он спросил: «Семён, ты на самом деле не знаешь, кто такой Валерий Дружбинский?» Мне, конечно, было неловко за своё незнание, но я действительно не слышал никогда раньше этого имени. И тогда И.М. рассказал, что Валерий Дружбинский – журналист. И не просто журналист. Он много лет работал в газете «Известия», а в 1960-е годы работал литературным секретарём Константина Паустовского. Сказать, что такое сообщение было для меня неожиданностью – это, считай, ничего не сказать: ведь, как вы понимаете, оценку «Еврейским вестям» и коллективу, который их делает, дал не обыкновенный читатель, а журналист, который работал с самим Паустовским! Хорошо, что я в этот момент сидел на стуле.

В общем, мы подружились. Правда, общаемся, в основном, в телефонном режиме, так как Валерий Иванович – киевлянин, а я житель славного города Чернигова. Поэтому даже свои книги мы подарили друг другу через Исаака Михайловича Трахтенберга.

Первая подаренная мне Валерием Ивановичем книга называлась «Сладкая каторга» с подзаголовком «Записки журналиста». В предисловии к книге автор сообщает, что ещё будучи студентом факультета журналистики, он, по настоянию преподавателей, ежевечерне записывал в блокнот свои впечатления о прошедшем дне – и не только рассказанное кем-то, увиденное лично, но и анекдоты, остроты, журналистские байки и многое другое. Потом, уже после института, работая в газетах и журналах, он продолжил это занятие. За 55 лет профессиональной деятельности у Валерия Ивановича накопилось – читатель, внимание! – 517 (!) блокнотов и толстых тетрадей таких записей. И вот Валерий Иванович, сообщая нам, что годы и годы работы в журналистике приучили его внимательно слушать людей и описывать только реальные события, справедливо решил, что такая огромная уникальная информация, которая в принципе не могла в те годы попасть на страницы газет, сегодня должна стать достоянием читателей. И к 2013 году Валерий Дружбинский обработал все 517 вышеуказанных бумажных носителей своих записей и издал обработанное на пятистах книжных страницах. И назвал он эту свою книгу шикарно – «Сладкая каторга». Не без белой зависти скажу, что более удачного названия для книги, в которой запечатлены многолетняя непростая работа человека, для которого журналистика – это всё, придумать просто невозможно. Публикуя свои краткие, иногда в несколько строк, заметки, автор чудесным образом возвращает читателя во времена, которые каждому из нас близки по-своему: кого-то в 60-70-е, а кого-то – в 90-е годы... И это очень важно для любого человека. Ведь в значительной степени мы все ностальгируем по прошлому, каким бы противоречивым и сложным оно ни было. Формат книги чудесный: её можно читать с любой страницы и даже с конца. Но когда ты начинаешь её читать, то уже боишься пропустить даже одну строчку, даже одно слово. Не буду голословен. Вот запись Валерия Дружбинского 1963 года.

## Обед у Хрущёва

*Это был замечательный день. Мой Главный Алексей Иванович Аджубей, в то время уже редактор «Известий», сказал, что я завтра, в воскресенье, поеду с ним на дачу, что увижу там Хрущёва, что должен выглядеть умным и толковым известником и что одеться надо поприличнее.*

*Одевало меня всё общежитие. Что же касается ума... Стол поставили в саду под вишней. За столом – сам Никита Сергеевич, его жена Нина Петровна, дочь Рада Никитична, подходим мы – Аджубей и я. Садимся. Никита Сергеевич мне говорит: «Вот ты, наверное, грибочков таких не ел, возьми обязательно». Я отвечаю: «Спасибо». – «А зельц домашний пробовал когда-нибудь? Отрежь обязательно». – «Спасибо». – «Водочку тебе пить ещё рано. Наливай себе наливочки домашней, вишнёвой». – «Спасибо». – «Худой и бледный ты потому, что рыбу не уважаешь. Положи себе судачка отварного, да маслицем горячим полей». – «Спасибо». Вот так три часа подряд. Очень ёмкой и содержательной оказалась встреча.*

А вот ещё запись, сделанная двадцать лет спустя.

*В конце 1985 года, во время работы в “Интерфаксе”, получил задание взять интервью у Шеварднадзе – он только что был назначен министром иностранных дел СССР. Подготовил вопросы, передал их в МИД, и в один прекрасный день состоялась сама встреча. Ответив на вопросы, Эдуард Амвросиевич сказал, что сам текст интервью я должен передать для просмотра через его помощника Мудашвили, который сидит в приёмной. Наутро прихожу интервью и говорю: “Товарищ Мудашвили, вот текст, который должен вычитать Эдуард Амвросиевич”. Он уходит в кабинет, затем возвращается и приглашает меня зайти к Шеварднадзе. Захожу. “Значит так, интервью я прочёл и подписал, что же касается моего помощника, то его фамилия Васадзе. Хотя я он, и другие мои референты – настоящие мудашвили”. Никогда бы ни подумал, что у члена политбюро ЦК КПСС есть чувство юмора!*

Всё сказанное выше – это, конечно, не рецензия, а просто краткое знакомство с замечательной книгой замечательного журналиста.

Но сегодня моя цель – представить ещё одну книгу Валерия Дружбинского, которую я получил от него в подарок несколько месяцев назад. Книга эта вышла в киевском издательстве «Радуга» в 2017 году и называется она «О Паустовском». Смотрите, кажется, как просто звучит – и в то же время так серьёзно и ответственно – «О Паустовском». А учитывая то, что автор книги работал с 1965 до 1968 года (фактически до самой смерти Паустовского) секретарём писателя, этим его воспоминаниям просто нет цены.

Здесь необходимо отметить, что Валерий Иванович – очень скромный человек. Как известно, в среде журналистов, писателей, художников, деятелей культуры вообще – очень развита не просто конкуренция, которая должна быть здоровой, а, я бы сказал, ревность к успехам другого, временами доходящая до крайностей. Валерий Дружбинский – человек совершенно другой породы. Обратите внимание: он пишет свои воспоминания через полвека после смерти Паустовского. Кажется: пиши что хочешь и как хочешь. Кто проверит? Многие так и поступают, не забывая отметить «себя любимого»... Но это не О Дружбинском.

Вот первые слова из его книги, с которыми автор обращается к читателю: «Секретарём Паустовского я стал совершенно случайно. Работал корреспондентом “Известий” в Ялте, и вдруг в январе 65-го – вызов в Москву. Захожу к редактору, а рядом стоит Константин Георгиевич Паустовский. Оказывается, он отправляется на полгода в Ялту, и ему нужен юноша, который умел бы печатать на машинке и справляться с простыми секретарскими обязанностями». Вот так

скромно – и ни слова о своих талантах и достоинствах. И далее: «Был я безнадежно молод и достаточно глуп, чтобы понимать, какое огромное счастье выпало мне – находиться рядом с великим писателем современности».

А заканчивает Валерий Иванович своё обращение к читателям такими словами: «Задача, которую я перед собой поставил, много скромнее: рассказать о том, каким человеком был Паустовский – в общении с близкими, с друзьями, с коллегами, с читателями, наконец, с властями прередающими».

Эти мои записи – всего лишь штрихи к портрету Мастера и Учителя, просто объяснение в любви».

Задачу, поставленную перед собой, Валерий Иванович выполнил превосходно. Он сумел в тридцати небольших эссе, из которых состоит его книга, показать личность К.Г. Паустовского так, как, мне кажется, никто до него не смог сделать. Дружбинский присутствовал на многих встречах Паустовского с писателями и просто с известными и неизвестными людьми, которые часто бывали в доме писателя. Кроме того, как пишет Валерий Иванович, Паустовский был прекрасным рассказчиком, и эти устные рассказы мэтра также легли в основу некоторых упомянутых эссе. В то же время Дружбинский видел и то, как часто докучали Паустовскому «собратья по перу»: просили прочитать, позвонить, написать рекомендательное письмо, похотатайствовать о получении дополнительной жилплощади... Дружбинский пишет: «Он терпел всех, был деликатен и застенчив. Если и страдал от тягостного общения, то молча, про себя. Во всяком случае, ни разу не слышал его ропота или возражения по поводу какого-то назойливого собеседника». В последние годы жизни Константин Георгиевич тяжело болел. В главе под названием «Мысли вслух» Валерий Иванович пишет: «Когда приступы удушья отступали, он говорил и говорил...». В эти часы его секретарь Валерий Дружбинский писал и писал, делая записи в своих блокнотах, таким образом, сохранив для будущих поколений философскую, крупную глубокую мысль великого писателя. Вот только одна такая мысль Паустовского, с которой нас знакомит вышеупомянутая глава: «Жизнь – это длинный путь. Но у одного – дорога до булочной и обратно, у другого – кругосветное путешествие. И единственный человек, с которым надо сравнивать себя – это ты в прошлом. А единственный человек, лучше которого ты должен быть, – это ты сейчас». Какие великолепные мысли-наставления на все времена и для всех народов!

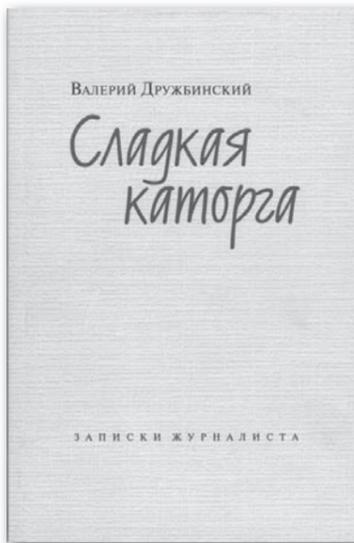
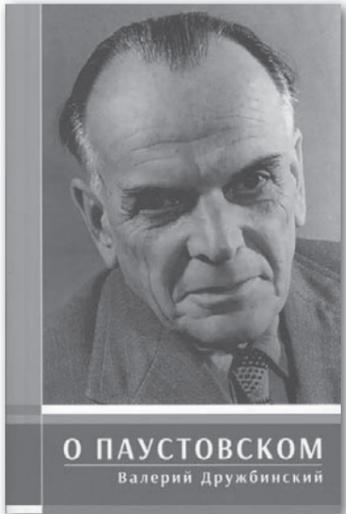
Фамилии Паустовский и Дружбинский оканчиваются на «ский», и некоторым неразумным невежественным людям, прочитавшим их имена в еврейской газете, они могут показаться «подозрительными». Спешу огорчить: к большому моему сожалению, ни Паустовский, ни Дружбинский не имеют по рождению никакого отношения к еврейскому народу. Но с радостью подчёркиваю, что оба они: и писатель, и журналист, – большие друзья еврейского народа. Это моё утверждение как нельзя лучше подчёркивают и названия некоторых чудесных эссе из книги Дружбинского о Паустовском: «Исаак Бабель», «Михаил Светлов», «Виктор Шкловский», «Корней Чуковский», «Илья Эренбург». Коротко, но понятно.

Пользуясь возможностью, хочу привести пример и из личного прочтения Паустовского.

В прошлом году исполнилось 100 лет революции 1917 года. Конечно, этот день сейчас никто у нас в Украине не отмечает. Однако некоторые не совсем радужные параллели между прошлым и настоящим, используя информацию, которую я лет сорок назад нашёл в книге К.Г. Паустовского «Начало неведомого века», мне всё же хочется провести.

В 1917 году Константин Георгиевич работал в Москве корреспондентом одной из московских газет. В своей книге «Начало неведомого века» он довольно подробно описал события тех тревожных дней, свидетелем и участником которых (как журналист) он был.

Описывая предреволюционные события середины лета 1917, когда у власти было Временное правительство, возглавляемое уже Керенским, Паустовский пишет: «Постепенно митинги в разных местах Москвы приобретали свой особый характер. У памятника Скобелеву выступали преимущественно представители разных партий



— от кадетов и народных социалистов до большевиков. Здесь речи были яростные, но серьёзные. Третьяк языком у Скобелева не полагалось. При первой же такой попытке оратору дружно кричали: «На Таганку! К чёрту!»

На Таганской площади действительно можно было говорить о чём попало, — хотя бы о том, что Керенский — выкрест родом из местечка Шполы».

О том, что Александр Фёдорович Керенский родился в Симбирске, а его предки по отцовской линии происходили не из украинской Шполы, а из русского провинциального духовенства из Пензенской губернии, а родители матери по отцовской линии были дворянами русско-немецкого происхождения, а бабушка по материнской — внучкой крепостного крестьянина, выкупленного ещё до отмены крепостного права, было и тогда общеизвестно. Однако же говорили... Что же касается книги Паустовского «Начало неведомого века», то, как мне кажется, в стране, где была тотальная цензура, абзац о том, что «Керенский — выкрест родом из местечка Шполы», был оставлен с умыслом. Фамилия Керенский в Советском Союзе вообще была нарицательной, так почему бы не вбросить в массы мысль о его возможном еврейском происхождении, используя безоговорочный авторитет великого писателя. Впрочем, может, я и ошибаюсь. Но вот прошло уже 100 (!) лет после революции 17-го года и тридцать лет после смерти коммунизма, уже более четверти века исполнилось и украинской независимости, а, как видим, еврейская тема у нас разыгрывается снова и снова. Я на митингах прин-

ципально, даже в качестве журналиста, ни в Чернигове, ни в Киеве не бываю. Но в троллейбусах, других общественных местах, а иногда и от довольно-таки серьёзных и образованных людей, в том числе чиновников, даже с телеэкрана (!), всё равно часто слышу идиотские претензии, что ведь такой-то — еврей! Кто-то скажет, что я преувеличиваю. Нисколько! Неверующие могут сегодня легко найти в интернете (слава современным технологиям!) вот эту информацию, снабжённую ещё и подтверждающими мои слова фотографиями.

Летом 2015 года во Львове прошёл митинг. Митингующие держали транспаранты, на которых огромными буквами были написаны фамилии украинских государственных и политических деятелей, а через тире — якобы «настоящие» их фамилии с окончаниями в основном на «ман». А уж для совсем непонятливых, организаторы соорудили вот такой плакат — просто чудо пропагандистского искусства — «Еврейское братство распродаёт Украину!»

Но вернёмся к книге и её автору.

О том, как трогательно и с какой любовью пишет Валерий Дружбинский о Паустовском, прямо как бы боясь расплескать такие драгоценные, даже мельчайшие факты из жизни и творчества Писателя, передать словами просто невозможно, не хватит даже и эпитетов. Поэтому закончить представление книги «О Паустовском» я хочу словами самого её автора:

## Из рода Сагайдачных

Костику Паустовскому было шесть лет, когда в 1898 году с родителями, сестрой и двумя старшими братьями он переехал в Киев. «Паустовские, потомки запорожских казаков, тешили свою гордость преданием, вполне достоверным, что их предком был гетман Сагайдачный», — напишет биограф писателя Лев Левицкий. После разгона Запорожской Сечи Екатериной II казаки расселились по всей Украине, а предки Паустовского — вдоль реки Рось. В центре реки, на острове, стояла белая хата любимого деда Костика казака Максима, бабушки Гонораты, дяди Илька, тетушки Феодосии... Исследователь и родственник К. Паустовского Павел Деревянко изучил метрическую книгу церкви св. Дмитрия села Пилипча-Городище Васильковского уезда Киевской губернии. В 1793 году в ней записан прадед писателя Дмитрий Антонович Паустовский-Сагайдачный. У него были дочь и пять сыновей, один из них — Максим — дед писателя. Константин Георгиевич рассказывал: «Деда моего забрили в солдаты при Николае I. После турецкой войны он вернулся домой без руки, но с женой-турчанкой. Бабу-турчанку я еще помню. Она выкуривала в день коробку крепкого табаку и была неистощима на разговоры. Дед был маленький светлоглазый старик. Все дни он сидел на пасеке: боялся бабки. Он был человеком кротким, но ворчливым. Рассказывал нам, своим внукам, старинные сказки и героические свои подвиги во время войны с «басурманами»...»

Это была большая семья. От вольнолюбивого деда до братьев писателя — революционных студентов, от бабушки (по материнской линии) — участницы польского восстания 1863 года до тетушек — драматических актрис и оперных певцов.

Паустовский: «В семье много пели, играли на рояле, спорили, благоговейно любили театр... Я вырос на Украине. Мои родные со стороны отца говорили только по-украински. С детства я любил певучий, гибкий, легкий, бесконечно богатый образами и интонациями украинский язык и горжусь, что достаточно прилично владею им до сих пор». В селе Пилипча Киевской области и сейчас живет немало далеких родственников К. Паустовского. Здесь покоится его отец, дед, тети и дяди... А в Пилипчанской школе уже много лет работает музей писателя. Под руководством учительницы Любоми Чирак создано генеалогическое древо рода Паустовских-Сагайдачных. Сейчас на острове, благодаря настоянию школьников, установлен памятный камень с высеченной на нем надписью: «Поїздки в Городище були в моєму дитинстві святыми... К. Паустовський».

И еще интересный факт. В конце августа 1911 года в Киев прибыл император Николай II с семьей и приближенными. Их ждали торжественные молебны, театральные спектакли, смотры войск, прогулка по Днепру и посещение классической Киевской первой гимназии (в связи с ее 100-летним юбилеем). Главной же целью приезда было открытие памятника Александру II на Царской площади (правда, само празднество омрачилось убийством премьер-министра Столыпина). Встречу императора с гимназистами Паустовский описал в повести «Далекие годы»:

«Я стоял последним в шеренге, потому что был самым маленьким по росту в нашем выпускном классе.

Николай подошел ко мне. Легкий тик подергивал его щеку. Он рассеянно посмотрел на меня, привычно улыбнулся одними глазами и спросил:

— Как ваша фамилия?

Я ответил.

— Вы малоросс? — спросил Николай.

— Да, Ваше величество, — ответил я.

Николай скользнул по мне скучным взглядом и подошел к моему соседу...»

## Илья Эренбург

О Паустовском Илья Григорьевич сказал замечательно: «Людам, страдающим морской болезнью, советуют глядеть на берег. Меня не укачивает на море, но не раз меня укачивало на земле. Тогда я старался хотя бы издали взглянуть на Константина Паустовского. Он поражал и поражает меня своей душевной стойкостью. Никогда не изменял он ни народу, ни искусству, ни друзьям, ни себе. Этот мягкий и нежный человек умеет быть удивительно строгим к себе, ограждать высокое звание писателя. Он умеет, когда нужно, ответить "нет"!»

Встречались они редко, но питали друг к другу огромное уважение и приязнь. В книге «Повесть о жизни» (глава «Аттестат зрелости») Паустовский написал: «Перед экзаменами в саду была устроена сходка. На нее созвали всех гимназистов нашего класса, кроме евреев. Евреи об этой сходке ничего не должны были знать. На сходке было решено, что лучшие ученики из русских и поляков должны на экзаменах хотя бы по одному предмету схватить четверку, чтобы не получить золотой медали. Мы решили отдать все золотые медали евреям. Без этих медалей их не принимали в университет. Мы поклялись сохранить это решение в тайне. К чести нашего класса, мы не проговорились об этом ни тогда, ни после...» Помню, как осенью 1966 года в Москве, на квартире Паустовского, эти строки из «Аттестата зрелости» стали темой беседы Константина Георгиевича с Ильей Эренбургом. Илья Григорьевич считал, что ребята не могли сами додуматься до такого мужественного поступка. «Нет, — возразил ему Паустовский, — мы, мальчишки, многое уже понимали и возмущались дискриминацией евреев. И сами, без подсказок и обсуждения этого вопроса с родителями, решили помочь друзьям. И все девять еврейских мальчиков, которые с нами учились, благодаря полученным золотым медалям были зачислены в университет».

Говорили тогда о многом. Паустовский, в частности, процитировал стихотворение Николая Бердяева (не уверен, что точно его записал):

Я б унесся туда, где добро и любовь

Прекратили раздоры людей,

Из-за низких страстей проливающих кровь,

Где бы стал моим братом еврей.

Илья Григорьевич был весьма удивлен: «Неужели Бердяев мог такое написать?!»

Как-то Константин Георгиевич рассказал о том, что Мариэтта Шагинян обнаружила документы о еврейских корнях Ленина, а Сулов запретил ей писать об этом. Один ответственный работник ЦК, выйдя в коридор, тайно шепнул Шагинян следующее (объясняя запрет Сулова): «Сейчас нельзя об этом говорить, чтобы к ев-

«Удивительно, но Паустовский ухитрился прожить время безумного восхваления Сталина и ни слова не написать о вожде всех времён и народов. Не вступил в партию. Конечно, Константин Георгиевич считал тогдашние наши порядки неестественными, временными, не принимал их. Но, увы, не в его силах было отделиться от родной земли. Остаётся гадать, что он думал бы о нынешних временах надежд и отчаяния, свободы и смуты, падения нравов и возрождения культуры...»

Сегодня открыты архивы, публикуется масса документов. Можно уже сопоставить все факты биографии писателя и вчитать в каждую его строчку. Уже можно, слава Богу, честно вписать человеческую жизнь в сложный контекст времени. Всё это историками литературы и литературоведами делается и будет делаться ещё неоднократно. Я же этими заметками о Паустовском не претендую ни на полноту, ни, тем более, на беспристрастность. Хорошо, если прочтает их, вы снова возьмёте томик Константина Паустовского... Тогда я свою задачу буду считать выполненной».

Прекрасные скромные слова — «буду считать выполненной».

Мы же сегодня не расстаёмся с Паустовским, а предлагаем нашим читателям два эссе из книги Валерия Дружбинского о Константине Паустовском: «Из рода Сагайдачных» и «Илья Эренбург».

Семён БЕЛЬМАН

реям не стали вдруг относиться хорошо. А потом будут об этом везде говорить, чтобы к евреям относились плохо».

Илья Григорьевич с явным удовольствием рассказывал анекдоты на еврейскую тему. Примеры: «Встречаются два еврея. «Ты где был?» Второй заикается и говорит с трудом: «Н-на р-работу устр-аивался». — «Кем?» — «Ди-к-кгором нар-радио». — «Ну, как?» — «Не-е-е взяли. Еврей!»

«На выборах секретаря райской партийной организации была выдвинута кандидатура Бога. «У меня отвод! — поднимается один из ангелов. — У него сын в Израиле».

А бывало — вспоминал давнюю историю; видно, очень уж больно она задела: «На пленуме Союза писателей стали прорабатывать мой только что вышедший роман «Буря». И то не удалось. И это слабо. И характеры не прописаны. И образы схематичны. И язык хромает... Я сидел в президиуме, слушал целых три часа, а потом вышел на трибуну: «Здесь меня критиковали секретари Союза, критиковали принципиально, и я полностью с ними согласен. Но есть другое мнение... Мнение одного читателя... Вот его письмо, которое я вам сейчас зачитаю: «Товарищ Эренбург, вы написали очень нужную книгу. Сталин». Сошел я с трибуны в мертвой тишине. А на следующий день те же люди собрались и выдвинули мою книгу на Сталинскую премию, которую я вскоре получил».

Притча, рассказанная Эренбургом: «В чем смысл жизни? Великий еврей Моисей сказал: "Все дело там". (И Илья Григорьевич указал пальцем на небо.) Великий еврей Соломон сказал: "Все дело здесь". (И И. Г. пальцем дотронулся до головы.) Великий еврей Христос сказал: "Все дело здесь". (И И. Г. руку прижал к сердцу.) Великий еврей Маркс сказал: "Все дело здесь". (И И. Г. дотронулся до своего живота.) Великий еврей Фрейд сказал: "Все дело здесь". (И И. Г. дотронулся до ширинки.) Великий еврей Эйнштейн сказал: "Все относительно"».

Однажды Константин Георгиевич в телефонном разговоре с Самуилом Яковлевичем Маршаком (речь шла о книге И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь») процитировал стихи Эренбурга:

Евреи, с вами жить не в силах,  
Чуждаясь, ненавида вас,  
В скитаньях долгих и унылых  
Я прихожу к вам всякий раз.  
Во мне рождает изумление  
И ваша стойкость, и терпенье.  
И необычная судьба,  
Судьба скитальца и раба.

Паустовский как-то сказал: «Илья Эренбург, рассказывая в своей книге о пройденном, виденном и пережитом, никогда не прихорашивается, не кокетничает с читателем. Он рассказывает не только о своих радостях, но и о горестях, реже говорит об успехах и находках, чаще — о потерях, ошибках и разочарованиях. Из этой необыкновенной книги вырастает мужественный человек, который долго выбирался на свою жизненную дорогу. Ну, а сама книга "Люди, годы, жизнь" — это энциклопедия исканий и потерь интеллигенции в XX веке».

Валерий ДРУЖБИНСКИЙ





# РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСЧАДИИ АДА

Полагаю, что в мировой истории не было убийцы, смерть которого оплакивали бы столь многие и столь искренне. Если количество плакавших еще легко объяснить величиной популяции и средствами информации (и тогда Мао, если он, конечно, умрет, займет первое место), то качество этих слез объяснить гораздо труднее.

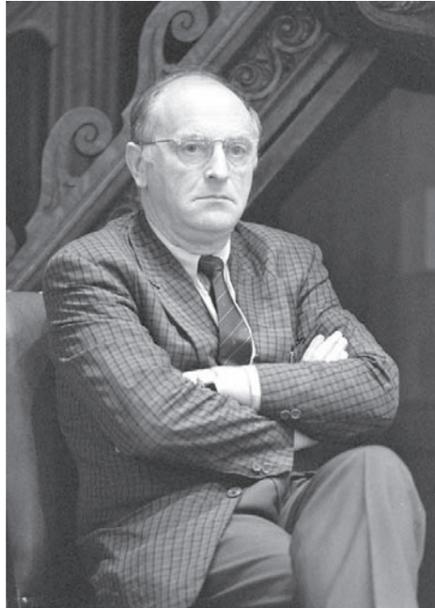
20 лет назад мне было 13, я учился в школе, и нас всех согнали в актовЫй зал, велели стать на колени, и секретарь парторганизации – мужеподобная тетка с колодкой орденов на груди – заломив руки, крикнула нам со сцены: «Плачьте, дети, плачьте! Сталин умер!» – и сама первая запричитала в голос. Мы, делать нечего, зашмыгали носами, а потом мало-помалу и по-настоящему заревели. Зал плакал, президиум плакал, родители плакали, соседи плакали, из радио неслись «*Maigse funebre*» Шопена и что-то из Бетховена. Вообще, кажется, в течение пяти дней по радио ничего, кроме траурной музыки, не передавали. Что до меня, то (тогда – к стыду, сейчас – к гордости) я не плакал, хотя стоял на коленях и шмыгал носом, как все. Скорее всего потому, что незадолго до этого я обнаружил в учебнике немецкого языка, взятом у приятеля, что «вождь» по-немецки – фюрер. Текст так и назывался: «*Unser Fuhrer Stalin*». Фюрера я оплакивать не мог.

Возможно, повлияло также и то, что семья готовилась к отъезду. Ибо стало известно, что в результате «дела врачей» (в результате сомневаться не приходилось) всех евреев будут перемещать на Дальний Восток, чтоб тяжким трудом на благо своего социалистического отечества они могли искупить вину своих соплеменников: врачей-вредителей. Мы продали пианино, на котором я все равно не умел играть и которое было бы глупо тащить через всю страну – даже если бы и разрешили; отца выгнали из армии, где он прослужил всю войну, и на работу нигде не брали; работала только мать, но и она держалась на волоске. Мы жили на ее зарплату и готовились к депортации, и по рукам ходило письмо, подписанное Эренбургом, Ботвинником и другими видными советскими евреями, которое гласило о великой вине евреев перед советской властью и которое со дня на день должно было появиться в «Правде».

Но в «Правде» появилось сообщение о смерти Сталина и о том, что смерть эта – всенародное горе. И люди заплакали. Но они плакали, я думаю, не потому, что хотели угодить «Правде», а потому, что со Сталиным была связана (или, лучше сказать, он связал себя с нею) целая эпоха. Пятилетки, конституция, победа на войне, послевоенное строительство, идея порядка – сколь бы кошмарным он ни был. Россия жила под Сталиным без малого 30 лет, почти в каждой комнате висел его портрет, он стал категорией сознания, частью быта, мы привыкли к его усам, к профилю, который считался «орлиным», к полувоенному френчу (ни мир, ни война), к патриархальной трубке, – как привыкают к портрету предка или к электрической лампочке. Византийская идея, что вся власть – от Бога, в нашем антирелигиозном государстве трансформировалась в идею взаимосвязи власти и природы, в чувство ее неизбежности, как четырех времен года. Люди росли, женились, разводились, рожали, старились, умирали, – и все время у них над головой висел портрет Сталина. Было от чего заплакать.

Вставал вопрос, как жить без Сталина. Ответа на него никто не знал. От человека в Кремле ожидать его было бессмысленно. Полагаю, что человек в Кремле вообще его дать неспособен. Ибо в Кремле – такое уж это место – речь всегда идет о

полноте власти, и – до тех пор, пока речь идет именно об этом, – Сталин для человека в Кремле если и не плоть, то, во всяком случае, более, чем призрак. Мы все очень внимательно следили за эволюциями его трупа. Сначала труп был помещен в Мавзолей. После XX съезда он был оттуда изъят, предан кремации и в качестве урны с прахом вмурован в кремлевскую стену, где находится и сейчас. Потом – сравнительно недавно – рядом с урной был воздвигнут довольно скром-



ный (по понятиям нашего времени) бюст. Если усматривать символический смысл во всех этих трансформациях – а его приходится усматривать, иначе каков же их смысл? – то можно сказать, что поначалу в Кремле доминировало намерение сохранить статус-кво, потом возобладало желание предать оный статус-кво – правда, частично – анафеме; затем анафеме было решено – тоже частично – снять. То есть создавалось впечатление, что никто не знает, что делать с мертвецом. Но с мертвецом ли?

Физически, конечно, да; но психически? Тут, конечно, легко пуститься в рассуждения, что дело не в Сталине, но в системе, им порожденной или его породившей; что хотя России нужен был свой Нюрнбергский процесс, даже лучше, что его не было, ибо идея прощения (особенно неосознанная) выше, чем идея «око за око»; что технический прогресс рано или поздно все поставит на свои места, ибо даже тоталитарная система, если хочет быть жизнеспособной, должна перерастать в технократию; что вообще нас ждет конвергенция. ОК. Но в данном случае меня интересуют не архаичные или прогрессивные системы и их судьбы. Меня также не интересуют «тайны мадридского двора» и психология «сильных мира сего». Меня интересует моральный эффект сталинизма, точнее – тот погром, который он произвел в умах моих соотечественников и вообще в сознании людей данного столетия. Ибо, с моей точки зрения, сталинизм – это прежде всего система мышления и только потом технология власти, методы правления. Ибо – боюсь – архаичных систем мышления не существует.

Без малого 30 лет страной с почти 200-миллионным населением правил человек, которого одни считали преступником, другие – параноиком, третьи – восточным дикарем, которого, в сущности, еще можно перевоспитать, – но с которым и те, и другие, и третьи садились за один стол, вели переговоры и пожимали руку. Человек этот не знал ни одного иностранного языка, включая русский, на котором он писал с чудовищными грамматическими ошибками; но в книжных магазинах почти всего мира можно найти собрания

его сочинений, написанные за него людьми, которые были умерщвлены за то, что выполнили эту работу, или остались в живых по той же самой причине. Человек этот имел самые смутные представления об истории (кроме «Принца» Макиавелли, бывшего его настольной книгой), географии, физике, химии; но его ученые, сидя под замком, все-таки сумели создать и Атомную и Водородную бомбы, по качеству ничем не уступавшие своим сестрам, рожденным в мире, именуемом свободным. Человек этот, не имевший никакого опыта в управлении корпорациями, тем не менее создал уникальный по величине аппарат секретной полиции, равно вызывавший ужас у школьника, заметившего, как по портрету вождя над его кроватью ползет клоп, и обливавшегося холодным потом при мысли, что это может увидеть его школьный учитель, и у бывшего деятеля Коминтерна, сочинявшего свои мемуары где-нибудь в джунглях Южной Америки. Он правил страной почти тридцать лет и все это время убивал. Он убивал своих соратников (что было не так уж несправедливо, ибо они сами были убийцами), и он убивал тех, кто убил этих соратников. Он убивал и жертв и их палачей. Потом он начал убивать целые категории людей – выражаясь его же языком: классы. Потом он занялся геноцидом. Количество людей, погибших в его лагерях, не поддается учету, как не поддается учету количество самих лагерей, в той же пропорции превосходящее количество лагерей Третьего Рейха, в которой СССР превосходит Германию территориально. В конце пятидесятых годов я сам работал на Дальнем Востоке и стрелял в обезумевших шатунов-медведей, привыкших питаться трупами из лагерных могил и теперь вымиравших оттого, что не могли вернуться к нормальной пище. И все это время, пока он убивал, он строил. Лагеря, больницы, электростанции, металлургические гиганты, каналы, города и т. д., включая памятник самому себе. И постепенно все смешалось в этой огромной стране. И уже стало непонятно, кто строит, а кто убивает. Непонятно стало, кого любить, а кого бояться, кто творит Зло, а кто – Добро. Оставалось прийти к заключению, что все это – одно. Жизнь было возможно, но жить стало бессмысленно. Вот тогда-то из нашей нравственной почвы, обильно унавоженной идеей амбивалентности всего и всех, и возникло Двоемыслие.

Говоря «Двоемыслие», я имею в виду не знаменитый феномен «говорю-одно-думаю-другое-и-наоборот». Я также не имею в виду оруэлловскую характеристику. Я имею в виду отказ от нравственной иерархии, совершенный не в пользу иной иерархии, но в пользу Ничто. Я имею в виду то состояние ума, которое характеризуются формулой «это-плохо-но-во-общем-то-это-хорошо» (и – реже – наоборот). То есть я имею в виду потерю не только абсолютного, но и относительного нравственного критерия. То есть я имею в виду не взаимное уничтожение двух основных человеческих категорий – Зла и Добра – вследствие их борьбы, но их взаимное разложение вследствие сосуществования. Говоря точнее, я имею в виду их конвергенцию. Сказать, впрочем, что процесс этот проходил совершенно осознанно, означало бы зайти слишком далеко. Когда речь идет о человеческих существах, вообще лучше уклоняться, елико возможно, от всяких обобщений, и если я это себе позволяю, то потому, что судьбы в то время были предельно обобщены. Для большинства возникновение двойной ментальности происходило, конечно, не на абстрактном уровне, не на уровне осмысления, но на инстинктивном уровне, на уровне точечных ощущений, догадки,

приходящей во сне. Для меньшинства же, конечно, все было ясно, ибо поэт, выполнявший социальный заказ воспеть вождя, продумывал свою задачу и подбирал слова, – следовательно, выбирал. Чиновник, от отношения которого к вещам зависела его шкура, выбирал тоже. И так далее. Для того чтобы совершить этот правильный выбор и творить это конвергентное Зло (или Добро), нужен был, конечно, волевой импульс, и тут на помощь человеку приходила официальная пропаганда с ее позитивным словарем и философией правоты большинства, а если он в нее не верил, – то просто страх. То, что происходило на уровне мысли, закреплялось на уровне инстинкта, и наоборот.

Я думаю, я понимаю, как все это произошло. Когда за Добром стоит Бог, а за Злом – Дьявол, между этими понятиями существует хотя бы чисто терминологическая разница. В современном же мире за Добром и за Злом стоит примерно одно: материя. Материя, как мы знаем, собственных нравственных качеств не имеет. Иными словами, Добро столь же материально, сколь и Зло, и мы приучились рассматривать их как материальные величины. Строительство – это Добро, разрушение – это Зло. Иными словами, и Добро и Зло суть состояния камня. Тенденция к воплощению идеала, к его материализации зашла слишком далеко, а именно: к идеализации материала. Это – история Пигмалиона и Галатеи, но, с моей точки зрения, есть нечто зловещее в одушевленном камне.

Может быть, можно сказать и еще точнее. В результате секуляризации сознания, прошедшей в глобальном масштабе, от отвергнутого христианства человеку в наследство достался словарь, как пользоваться которым он не знает и всякий раз поэтому импровизирует. Абсолютные понятия дегенерировали в просто слова, ставшие объектом частной интерпретации, если не вопросом произношения. То есть в лучшем случае условными категориями. С превращением же абсолютных понятий в условные категории в наше сознание мало-помалу внедрилась идея условности нашего существования. Идея, человеческой натуре очень родственная, ибо она избавляет всех и вся от какой бы то ни было ответственности. В этом и есть причина успеха тоталитарных систем: ибо они отвечают исконной потребности человеческого рода освободиться от всякой ответственности. И тот факт, что в этот век невероятных катастроф мы не смогли найти адекватной – ибо она тоже должна была бы быть невероятной – реакции на эти катастрофы, говорит о том, что мы приблизились к реализации этой утопии.

Я полагаю, мы живем в эпоху постхристианскую. Не знаю, когда она началась. Сов. писатель Леонид Леонов предположил – в качестве подарка к одному из дней рождения Сталина – начать новое летоисчисление: со дня рождения Джугашвили. Не знаю, почему предложение это не было принято. Может, потому что Гитлер был моложе. Но дух времени он уловил правильно. Ибо оба эти исчадия Ада сделали первый шаг к осуществлению новой цели: к нравственному небытию. Убивать, чтобы строить, и строить, чтобы убивать, начали, конечно, не они, но именно они придали этому бизнесу столь гигантский размах, что затмили своих предшественников и отрезали у своих последователей – да и вообще у человеческих существ – пути к отступлению. В каком-то смысле они сожгли нравственные мосты. Умерщвление десятка-другого миллионов для человеческого восприятия есть не реальность, но условность, так же как и условной является цель

Окончание на стр. 12

# РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСЧАДИИ АДА

Окончание  
Начало на стр. 11

этого умерщвления. Максимальная реакция, в такой ситуации возможная и (из-за инстинкта самосохранения) желаемая: шок, blank mind. Сталин и Гитлер дали первые сеансы этой терапии, но так же, как вор грабит не ради вчерашнего дня, следы их преступлений ведут в будущее.

Я не хочу рисовать апокалиптические картины; но если в будущем будут происходить убийства и вестись строительство, то конвергенция нравственных критериев плюс астрономические количества в списке жертв превратят нас и, главное, наших потомков в моральных мертвецов с христианской точки зрения и в счастливейших из смертных – с их собственной. Они, как говорил философ, окажутся по ту сторону Добра и Зла. Но – зачем же так

сложно? просто по ту сторону Добра.

В этом смысле я не верю в десталинизацию. Я верю в нее как в перемену методов правления – вне зависимости оттого несомненного обстоятельства, что рецидивы будут случаться и можно будет ожидать не только реставрации сорокаметровых монументов, но и чего-нибудь похлеще. К чести нынешней кремлевской администрации можно сказать, что она не слишком увлечена гальванизацией этого трупа. Сталин появляется в квазиисторических фильмах или в домах грузин, которым от него досталось не меньше, если не больше, чем любому нацменьшинству в СССР, но которые таким образом – за неимением лучшего – подогревают свой национализм. Отставной агент госбезопасности или бывший военный, шофер в такси или функционер-пенсионер, ко-

нечно, скажут вам, что при Сталине «порядка было больше». Но все они тоскуют не столько по «железному ордену», сколько по своей ушедшей молодости или зрелости. В принципе же ни основная масса народа, ни партия имя вождя все не поминают. Слишком много насущных проблем, чтоб заниматься ретроспекцией. Им еще может воспользоваться как жупелом какая-нибудь правая группировка внутри партии, рвущаяся к кормушке, но, думаю, даже в случае удачного исхода жупел этот довольно быстро будет предан забвению. Будущего у сталинизма как у метода управления государством, по-моему, нет.

Тем страннее видеть эти орлиные черты в книжной витрине около London School of Economics, в Латинском квартале в Париже или на прилавке какого-ни-

будь американского кампуса, где он крадется вперемежку с Лениным, Троцким, Че Геварой, Мао и т. д. – всеми этими мелкими или крупными убийцами, у которых, вне зависимости от разницы их идеалов, есть одна общая черта: все они убивали. Что бы у них ни стояло в числителе, знаменатель у них тот же самый, общий; и сумма этой дроби даст такую сумму, что может смутить даже компьютер. Не знаю, что ищут все эти молодые люди в этих книгах, но если они действительно могут найти там что-то для себя, это означает только одно: что процесс нравственной кастрации homo sapiens, начатый насильно, продолжается добровольно и что сталинизм побеждает.

Иосиф БРОДСКИЙ,  
1973 г.

## Людмила Улицкая и Борис Акунин: разговор по душам

В феврале в одном из лондонских клубов прошла встреча с Людмилой Улицкой и Борисом Акуниным. «Еврейские вести» «подслушали» разговор двух выдающихся российских писателей, лауреатов и обладателей наиболее престижных международных литературных премий и наград.



Насколько бы ни были разными, а порой и противоречивыми мнения тех, кто не понаслышке знает об Акуnine и Улицкой, факт их яркого писательского дарования, огромного вклада в сокровищницу русской литературы остается бесспорным.

Собственно говоря, политику в своем диалоге собеседники «вынесли за поля», предавшись рассуждениям на другие, не менее интересные темы. Причем Акунин расспрашивал Улицкую о ее творчестве, а Людмила Евгеньевна в свою очередь интересовалась точкой зрения своего визави на те или иные аспекты его жизни и литературной деятельности.

### Часть 1. Людмила Улицкая

#### О мазохизме, кризисе и христианах

Разговор начал Григорий Чхартишвили, более известный широкой публике как Борис Акунин, – писатель, литературовед, переводчик, ученый-японист. Как ни странно, но начал он с размышлений о «Серрапионовых братьях» – молодых писателях начала XX века, объединившихся в Петрограде в группу, названную в честь сборника новелл немецкого романтика Эрнста Гофмана. Создавать литературные произведения, по словам гостя, участникам было очень сложно, хотя среди них и были весьма именитые люди. «А вот насколько вам трудно работать над романами? Доставляет вам это мучение или удовольствие?» – спросил Григорий Шалвович свою собеседницу.

Оказалось, что Людмиле Улицкой, автору множества известных романов, писать очень нелегко. «На мой взгляд, первое необходимое качество писателя – это не талант, а стремление, потребность писать практически на физиологическом уровне», – отметила она. Людмила Евгеньевна начала писать в раннем возрасте, но, генетик по образованию, она стала относиться серьезно и профессионально к работе над романами только после 50-ти лет. «Я, честно говоря, начала с некоторой неуверенностью. Поэтому подход к самой первой моей кни-

ге носил скорее игровой характер: а ну-ка попробую! И я попробовала, заигралась и так увлеклась, что до сих пор занимаюсь этим с большим удовольствием, но и с трудом... Каждый раз, когда заканчиваю большой роман, работа над которым продолжалась лет пять, говорю себе: "Ну все, больше никогда не влзу в это мучительное, кошмарное, не один год длежащее "наслаждение". Все! Больше никогда". Но проходит время, и я снова "влипаю" в эту историю. Процесс написания оказывается таким себе актом мазохизма», – рассказывает писательница.

Идеи, или, как выразилась сама Людмила Евгеньевна, «изначальная искра», берутся исключительно из личной жизни. Сейчас она работает над новым романом, основанным на книге, которую написал заключенный, отбывающий пожизненный срок. Улицкая переписывалась с ним некоторое время и в результате предложила изложить свои мысли на бумаге. Конечно, книгой это назвать сложно, но материал оказался весьма интересным: «Я получила вызов, но не знаю, может, на него и не отвечу. Так часто происходит – жизнь сажает тебя на крючок, и ты понимаешь, что надо попробовать». Так произошло с написанием книги «Даниэль Штайн, переводчик», которая была опубликована в 2006 году. Роман основан на реальной истории жизни монаха Даниэля Руфайзена, который однажды оказался на пороге дома писательницы. «Прелестный совершенно, таких людей не бывает. Босоногий. И вот он провел у меня день: с утра до вечера, и когда он ушел, я поняла, что крючок этот в меня залез, как рыбе в губу». Неожиданный гость оказался еще и в очень нужный момент: сам того не подозревая, он помог Улицкой пережить возникшую тогда сложную жизненную ситуацию.

Продолжая тему Даниэля Штайна, Людмила Евгеньевна рассказала, что в молодые годы познакомилась с удивительными людьми – «настоящими христианами», которых, по ее словам, в мире ничтожно мало. Ей казалось, что они открыли для нее новое видение жизни и она исповедовала много лет. «Я достаточно долго на этом пути потопталась и никуда не пришла, при том что усилия были приложены довольно большие». Она думала, что это видение должно «открывать все замки», на все давать ответы и делать жизнь проще. Но оказалось, что это не так, «что вот этот замочек почему-то не открывается».

Как в ее знаменитом романе «Казус Кукоцкого», где врач-гинеколог выступает за то, чтобы в стране в послевоенное время разрешили аборт. «С одной стороны, считается, что это аморально – убийство нерожденного ребенка, а с точки зрения доктора Кукоцкого это надо разрешить, потому что если эта мамаша на операционном столе или в криминальном аборте умрет, то останется у нее четверо живых детей-сирот, и они потом в детских домах погибнут».

Вот так и у самой Людмилы Евгеньевны в определенный момент произошел перелом: «Я стала пересматривать свою систему мира, и оказалось, что весь он выстроен из запретов, правил, привычек, клише, которые каждый человек с рождения набирает. Вот тогда я поняла, что надо попробовать где-нибудь освободиться, стала проверять, изменились ли мои взгляды на те или иные вещи. А я еще думаю так или я уже так не думаю? А может быть, это я по привычке говорю? И этот процесс

для меня прошел довольно болезненно. Все мое мировоззрение оказалось руиной. И стало хорошо...»

#### Про счастье, еврейство и русский язык

Упомянув свою новую книгу «Счастливая Россия», Борис Акунин заговорил о непростой теме счастья в литературе, так как в романе исследует именно ее. Людмила Улицкая парировала: «Счастливого романа не существует», так как в литературном смысле несчастная любовь интереснее счастливой, а несчастье интереснее счастья. Там есть конфликт, интрига, драма и прочее.

Тогда Григорий Шалвович спросил о другом: «Что такое быть русским писателем, который не является при этом русским по крови? Это какое-то отягощение или обогащение?» «Это здорово интересно», – ответила Людмила Улицкая.

В отличие от Акунина, который знает пять языков, Улицкая владеет лишь русским, поэтому считает себя че-



ловеком монокультуры – русской. При этом быть евреем в другой культуре, по ее словам, то же, что знать второй язык, это дает некое «стереозрение» – публичную оптику. «Я это говорю иногда своим русским друзьям, что, как я люблю русский язык, вы любить не можете. Я в него влюблена, потому что ты в чужое можешь быть влюблен, а вот в свое как-то нет. Я воспринимаю русский язык как данное мне. Как нечто такое пожалованное. Поэтому я люблю его немножко отстраненно, помня при этом, что я еврейка», – рассказывает писательница.

При этом большая и многогранная еврейская культура Людмиле Евгеньевне «не пошла». Она несколько раз пыталась учить ее язык, но он так и остался непокоренным, как, кстати, и еще несколько других языков, поэтому писать она стала именно на русском. «Значит, вот такой кривой я писатель: я еврейка, я пишу по-русски, и ни на каком другом языке писать не умею, умела бы – с большим удовольствием писала бы. Но вот нету этой возможности у меня. Поэтому придется со мной смиряться даже тем, кому это глубоко противно, кто говорит, что вот они, евреи, засоряют нашу русскую литературу своими писаниями», – делится Людмила Евгеньевна.

### Часть 2. Борис Акунин

#### Про Японию, смерть и минимализм

Переходя к следующей части разговора, Людмила Улицкая роль интервьюера взяла на себя. Первая тема – о Японии, а именно – об отношении к смерти в япон-



ской культуре. Григорий Шалвович, являясь, как известно, большим поклонником и знатоком этой древнейшей восточной цивилизации, сказал, что самоубийство здесь совершенно не осуждается. Мало того, во многих случаях оно считается похвальным и красивым поступком, а порой и вовсе единственно возможным. При этом современные японцы склонны к суициду значительно меньше, чем, к примеру, финны или россияне. «Но на этом и построена мощная культурная, литературная, театральная традиция – она дает обратный эффект», – заключил писатель. По его словам, у японцев принципиально иное отношение к смерти. У них имеется ощущение, что жизнь не заканчивается на этом отрезке – далее могут следовать рай, ад или следующая жизнь. Поэтому так много в литературе и кинематографе сюжетов, которые заканчиваются на смерти главных героев любовных историй, которые не могут быть вместе и верят, что следующая жизнь даст им возможность воссоединиться.

В западной культуре смерть с детства воспринимается как что-то устрашающее, а вот японские дети со школьных лет думают о ней совершенно спокойно. «Мне дали почитать сочинения японских пятиклассников на привычную тему: "мое будущее". Там были обычные сочинения. Кто-то хочет стать спортсменом, кто-то – актрисой, кто-то – звездой, а кто-то пишет, что больше 18 лет жить не имеет смысла, потому что начинается старость. Ну, это то, что написали бы дети и у нас, но то, что меня поразило, – что каждое сочинение о будущем заканчивается описанием собственной смерти. Значит "я вот умру в 180 лет от старости", "а я хочу погибнуть в автомобильной катастрофе, чтобы вот так "бах", и ничего больше не было" и т.д. То есть для детей уже в этом возрасте смерть воспринимается как факт жизни», – сказал Борис Акунин. По его словам, современные молодые японцы ничем не отличаются от представителей западных стран. Речь идет о культурных стереотипах и кодах, среди которых, конечно же, мощный самурайский эпос, в котором герой обязан совершить самоубийство.

Григорий Шалвович называет себя японистом-расстригой. Он давно уже не был в Стране восходящего солнца, но прожил там внушительное количество лет как раз в том возрасте, «когда открываются вот эти жизненные рельсы-пути, по которым ты потом и поедешь», как сказал писатель. Там он научился очень важным вещам, которые остались с ним по сей день: «Во-первых, эта установка на то, что "как" важнее, чем "зачем". Это очень важная наука, она для меня особенно трудна, потому что я люблю все планировать вперед и в результате не живу сегодняшним днем. Японцы мне помогают в этом моем дефекте, и время от времени заставляют корректироваться и возвращаться». Вторым аспектом, по словам Акунина, для него является эстетика – красота простых вещей и минимализма во всем: от архитектуры до литературы. Попав на аудиенцию к японскому импера-

тору, писатель ожидал увидеть невероятные богатство и роскошь, так как территория императорского замка в Токио занимает несколько сотен гектаров. Оказалось, что за рвом и стеной, которые окружают все по периметру, расположен густой лес, внутри которого резиденция, и выглядит она как чистенькое общежитие МГУ. Никаких украшений, просто деревянный пол, стены, и нет никакой ни бронзы, ни лепнины, никакого "Букингемского дворца". То есть минимализм, приведенный в совершенство, невероятное изящество».

Такая сдержанность стала для Акунина примером и в литературе. «Чем старше я становлюсь как писатель, тем больше мне хочется писать просто. Без всего лишнего, без всякой декоративности, то есть я каждый день двигаюсь в сторону японскости», – заключил он.

### Про Фандорина и государство

Конечно, в беседе с Борисом Акуниным речь о гениальном сыщике Эрасте Фандорине не зайти просто не могла. И здесь собеседники все же затронули тему государства. По мнению Улицкой, главный герой Акунина, Фандорин, детектив, состоящий на государственной службе, есть не кто иной, как государственный. Соответственно, и его литературный отец, Борис Акунин, придерживается государственных же взглядов и мышления, которые, как сказала Людмила Евгеньевна, совершенно противоречат ее собственным либеральным воззрениям. Она даже назвала себя антигосударственнымником.

Из этого возник вопрос и одновременно просьба раскрыть положение Фандорина относительно государства более точно.

На это Григорий Шалвович ответил следующее: «Видите ли, здесь главное не запутаться в терминах, потому что в наших российских реалиях государственный – это антипод либерала. Он, государственный, считает, что народ существует ради государства: чтобы оно было мощным, державным и державно-обильным. А либерал считает, что государство существует ради народа, что это оно было создано для того, чтобы жизнь народа была более удобной, более счастливой, более достойной и т.д. В этом смысле я, конечно, либерал, а не государственный, но это не значит, что я враг государства. Я враг неправильного государства. Я считаю, что государство необходимо для того, чтобы помогать тем, кому не повезло в жизни, чтобы люди, которые живут на этой территории, были объединены каким-то общим интересом, чтобы они понимали, для чего они вместе живут, чтобы вместе делали какое-то хорошее, а не плохое дело. В этом смысле я, конечно, государственный». Более того, сам Фандорин не является самураем, он конфуцианец. «В этом есть принципиальная разница. Потому что самурай – это тот, кто служит своему сюзеру. Верность сюзеру – главный принцип самурая. Самурай это и есть

такой настоящий государственный. А конфуцианец – это человек, который прислушивается к внутреннему камертону, к голосу своей внутренней гармонии, который говорит ему, что хорошо, а что плохо, что можно, а что нельзя. И мой герой находится на государственной службе до тех пор, пока его внутренний голос не говорит: стоп, все, этому государству служить ты больше не должен и не будешь. И он уходит с этой службы – для него верность себе важнее верности государству. И это, конечно, один из признаков либерала», – заключил автор.

### Про феминизм и непопулярность

В заключительной части гостям задавали вопросы слушатели.

Отвечая на вопрос о феминизме в современном мире, Людмила Улицкая сказала, что феминизм как таковой давно уже закончился, а то, что мы видим сейчас, – время постфеминизма. «Первоочередная идея феминизма – добиться равных прав с мужчинами и голосовать. Этого захотели те женщины, которые сидели дома и варили кашу, а хотели идти на работу. И они этого добились в тех странах, где это было необходимо. На этом все и закончилось. А в России это попросту смешно. Потому что там женщины всегда таскали рельсы и работали на заводах, как и мужчины, и молили Бога остаться дома и варить кашу. Это движение в России началось как раз этими домохозяйками, которым чего-то не хватало. Я бы туда не пошла».

По мнению Бориса Акунина, равноправие мужчин и женщин достигнуто далеко не везде, даже на Западе, а в России феминизм особенно логичен: «Женский гендер вообще в наше время очень активно компенсирует то, чего у него не было в прошлые времена, и он как распрямляющаяся пружина. И я бы сам поучаствовал в женском марше», – сказал писатель.

Напоследок Борис Акунин признался, что не писал бы детективы о Фандорине, если бы они не стали популярны среди читателей, так как они являются беллетристикой, «рыночной литературой для больших масс», и при отсутствии аудитории теряют смысл. А вот другие – серьезные – романы не зависели бы от интереса со стороны большого количества читателей, потому что «в первую очередь [это] нужно тебе самому».

Людмила Улицкая согласилась с коллегой и добавила, что на успех изначально не рассчитывала, так как опубликовала первую книгу в возрасте 50-ти лет. «Но все же всегда радостно знать, когда близкие люди и узкий круг поддерживают, а большая популярность заставляет больше работать и порой задумываться "а понравится?"», "а будут читать?"».

**Марианна МОДЕНОВА,**  
собственный корреспондент  
«Еврейских вестей» в Лондоне

## Фестиваль мастеров спички

**Единственный в мире ансамбль музыкальных инструментов из спичек открыл Фестиваль спичечных рекордов.**

Фестиваль спичечных рекордов провёл Национальный реестр рекордов Украины. Фестиваль состоялся 2 марта 2018 г., в Международный День Спички. В этот день по приглашению организаторов в Киев со всей Украины съехались талантливые самобытные мастера, для которых спички – это основа творчества.



Фестиваль открыл единственный в мире ансамбль музыкальных инструментов из спичек из города Жашкова. Вот уникальные музыкальные инструменты участников творческого коллектива (созданные из спичек): гитара, гармошка, бандура и скрипка, сделанные мастером Богданом Сенчуковым.

Спички как искусство были представлены новыми ре-

кордами, на которые номинировали уникальную конструкцию из спичек линейного корабля длиной почти 1,5 метра (Иван Котляревский, г. Кременчуг), крупнейший макет локомотива с вагонами (Виктор Шуляренко, Коростень), картина из спичек без использования клея «Архангел Михаил» (Сергей Короляк, Киев) и другие.

На создание каждой из этих работ потребовалось более 100 000 спичек. А экспертом Национального реестра рекордов Украины в этот раз выступил почетный эксперт по спичечным рекордам, член Национального союза художников Украины, заслуженный художник Украины, мастер традиционного народного искусства, рекордсмен Национального реестра рекордов Украины, активный член Киевской еврейской общины Иосиф Борисович был и в составе инициаторов и организаторов этого Фестиваля.

О творчестве, выставках и рекордах самого Иосифа Осташинского «Еврейские вести» неоднократно писали.

Символично, что в День Спички главным рекордом станет сама инсталляция спички, которая находится в Киеве при входе в Чешскую

пивную реставрацию «Старомак», коллектив которой выступил также партнером фестиваля.

А когда уже верстался номер, в редакцию пришло сообщение о том, что с 2019 года в Украине будет ежегодно проводиться Международный фестиваль мастеров спички под названием «Сірники як мистецтво».

**Вита СЕРЕДА**



# ЛЮБИМЫЙ ЕВРЕЙ ГЕББЕЛЬСА

Его не взяли на сцену из-за маленького роста. Тогда он покорила весь мир своим тенором на радио, став эдаким «Энрико Карузо радиоволн». Особенно его любили в Германии – Геббельс сулил миллионы, лишь бы певец согласился стать «почетным арийцем». Но Йозеф Шмидт был евреем – он умер в 38 лет в лагере для беженцев, спасаясь от нацистов.

Йозефа Шмидта часто сравнивают с другим великим оперным певцом – Энрико Карузо. Порой их имена объединяют. Шмидта в прошлом называли «Карузо радиоволн», теперь чаще используют такие обороты, как «еврейский», «немецкий» или «буковинский» Карузо. В этом отражается место рождения Шмидта, его этнические корни и психологическое стремление людей, слышавших его пение, ассоциировать выдающуюся личность с собственной историей и культурой. Своим его называют в Украине, в Австрии, Германии и Румынии. Ну, и евреи по праву считают его представителем своего народа. В конечном итоге, консенсус не был найден – Шмидт превратился в гражданина мира, кем он сам себя и считал. Он знал несколько языков, среди которых идиш, румынский, французский, английский и немецкий, учил иврит.

Йозеф Шмидт родился 4 марта 1904 года в бедной еврейской семье в деревне Давидени – ныне Давыдовка – в Черновицкой области. Тогда эта территория входила в состав Австро-Венгерской империи, после Первой мировой войны перешла под контроль Румынии, а в 1940 году досталась Советскому Союзу. Теперь это Украина. В 1914 году Йозеф с родителями переехал в Черновцы – город, считавшийся в те годы одним из видных европейских культурных центров.

Музыкальные способности у ребенка проявились очень рано. Мальчик обладал природным слухом и постоянно пел. В Черновцах он учился в гимназии, брал уроки музыки и участвовал в детском хоре в городской синагоге, овладевая сложной техникой канторского пения. Впоследствии он стал брать уроки вокала у лучшего педагога города – Фелиции Лерхенфельд-Гржимали, племянницы профессора Яна

Гржимали, одного из основоположников русской скрипичной школы.

Талант Шмидта по достоинству оценили в 1924 году – именно тогда прошел его первый сольный концерт в зале Музыкального общества, который теперь стал областной Черновицкой филармонией. После блистательного выступления еврейская община города собрала деньги, позволившие молодому таланту обосноваться и продолжить обучение в Берлине. Там он совершенствовал свой вокал в Берлинской академии музыки у профессора Германа Вайссенборна – тот, зная о бедности своего ученика, учил его бесплатно.

Бедой певца был маленький рост – около 150 сантиметров, из-за которого его не принимали в оперный театр. Но Шмидту улыбнулась удача. На Радио-Берлин решили ставить оперы в прямом эфире – магнитофонной записи не существовало, так что петь приходилось вживую. И Шмидт решил поучаствовать в конкурсе на лучший тенор. Его услышал известный голландский баритон Корнелис Бронсгист и тут же сказал: «Тебе не нужно больше искать работу, ты всё будешь петь здесь». Буквально после первого выступления в 1929 году в редакцию радиостудии стали приходить тысячи писем с просьбой рассказать поподробнее о певце-теноре и продолжить транслировать его выступления. Некоторые даже признавались, что пение Шмидта исцеляет, снимает депрессию и останавливает потенциальных самоубийц. За последующие четыре года Шмидт спел главные партии в 37 постановках.

Дальше последовали заграничные туры. Сначала Шмидт дал сольный концерт в Вене, потом отправился на Ближний Восток. По пути дал концерт в Бухаресте, Софии, Афинах и Стамбуле. Везде его ждал триумфальный успех. Билеты в Тель-Авиве, Ришон-ле-Ционе, Хайфе и Иерусалиме были сразу же распроданы. Но желающих попасть на концерт оказалось так много, что концерт в Тель-Авиве повторяли ещё четыре раза. Сам же Шмидт записал в Палестине две уникальные еврейские молитвы – Ki lekach tov natati lachem, «Потому, что Я дал верное

учение», на иврите и Ano avdoh, «Я твой слуга», на арамейском языке.

По странному стечению обстоятельств, 30 января 1933 года, когда к власти в Германии пришли национал-социалисты, немецкое радио почти весь день транслировало выступления Шмидта. После каждого сообщения о ходе выборов диктор объявлял: «И опять поёт наш любимец



Йозеф Шмидт». Впрочем, недолго он был «любимцем немецкого народа». Менее чем через месяц его уволили с радио.

Любопытно, что рейхсканцлер Йозеф Геббельс был хорошо знаком с творчеством Шмидта и даже 9 мая 1933 года присутствовал на премьере фильма «Эта песня идет по свету» – The Song Goes Around the World, в котором Шмидт исполнил главную роль. Фильм изначально планировали назвать «Народный певец», но скоро создатели поняли, что ни они сами, ни Шмидт больше не являются «народными». Сценарист Эрнст Нойбах – венский еврей, переживший Холокост, после войны утверждал, будто бы Геббельс предлагал Шмидту 80 тысяч рейхсмарок в месяц, если тот согласится выступать на германском радио и станет «почетным арийцем».

В декабре 1933-го Шмидт перебрался в Вену и оттуда продолжал часто ездить на гастроли. Несмотря на то, что у Шмидта были миллионы поклонниц, знавшие его как грустного человека и готовые его утешить, он никогда не был женат. Но романы он заводил часто. Известно, что самые долгие отношения у него были с 24-летней польской еврейкой Лотте Рейг, бывшей замужем за Отто Кохом, тоже евреем. Это были бурные отношения, полные скандалов и страсти. В 1935 году мадам Кох заявила, что беременна от Шмидта. Его реакция на это неизвестна. В том же году во время гастролей он получил телеграмму, что у него родился сын Отто Кох-младший, который дожил до наших дней в Антверпене.

В 1937 году Шмидт дважды побывал в США с гастролями и дал шесть концертов в Карнеги-холл. В Голливуде ему всего

за три минуты пения в фильме предлагали 10 тысяч долларов – по современным меркам, это порядка 170 тысяч долларов. Но Шмидт решил вернуться в Европу – к маме, друзьям и поклонникам. Здесь ему пришлось постоянно скитаться – за пять дней до аншлюса Австрии он с Лотте Рейг и ее сыном Отто покинул Вену и в течение года колесил по еще не оккупированным странам Европы. В 1939-м он оказался в Брюсселе. Там сбылась его последняя мечта: несмотря на маленький рост, он был принят в Брюссельскую королевскую оперу Ла Монне.

В 1940 году певец, находясь во Франции, получил письмо от матери. Она умоляла его покинуть Европу. Шмидт ее не послушал – только в ноябре 1941-го купил билет на Кубу, но так и не полетел. До этого богатый человек, теперь певец вливал нищенское существование. Ему не давали выступать, и все активы в банках были заморожены нацистами. Подруга Шмидта Лотте давно бросила его и бежала с сыном и новым любовником в Нидерланды. Последний свой концерт певец дал в городке Монт-Дор в августе 1942 года в пользу таких же беженцев, как и он сам. Естественно, бесплатно.

После Шмидт с большим риском нелегально перебрался в Швейцарию, в Цюрих. Здесь он было попробовал получить документы на легализацию, но вместо этого был отправлен в лагерь для беженцев в поселок Гиренбад в 30 километрах от Цюриха. Шел октябрь 1942 года. В полуразрушенной фабрике, где располагался лагерь, было очень холодно. Не было теплой одежды и обуви, кормили плохо. Днём интернированных отправляли на земляные работы. В начале ноября Шмидт простудился и стал испытывать сильные боли в груди. Шмидта поместили в госпиталь. Там его посетили тенор Макс Лихтегг и баритон Марко Ротмюллер, они пообещали, что сделают все возможное, чтобы вернуть певца на концертную сцену. Однако врачи отнеслись к жалобам больного халатно, посчитав симулянт, и после недолгого осмотра и несложных процедур отправили назад в лагерь.

Утром 16 ноября комендант лагеря отпустил совсем больного Шмидта в сопровождении товарища в трактир «Вальдегг», чтобы тот мог отдохнуть и согреться. В трактире Шмидту стало плохо, он скончался до приезда врача. Прибыл раввин, тоже из заключенных, прочитал кадиш. Вечером тело покойного отправили в Цюрих. Сопроводять катафалк вышел весь лагерь. Швейцарские охранники не стали препятствовать процессии. Шмидту было 38 лет.

Однако история певца не закончилась с его смертью. Несмотря на то, что в странах Восточного блока имя Шмидта было предано забвению, на Западе после войны многие компании грамзаписи сохранили пластинки с его выступлениями. Прекрасный голос вместе с трагичной судьбой вернули певцу славу.

Михаил СПИВАК

## В Израиле начали подготовку к полету на Марс



15 февраля на дне пустынного кратера Махтеш-Рамон в Негеве стартовал проект подготовки израильской миссии на Марс под названием D-MARS.

В первой «экспедиции» на Красную планету принимают участие шесть добровольцев – четверо мужчин и две женщины: доктор Гилель Рубинштейн (командир экипажа), доктор Реут Сорек-Абрамович (исследователь), архитектор Алон Шикар, профессор Гай Рон (специалист по космической радиации), Джэки Фэй (секретарь), Надав Кушнир (врач и диетолог).

Биография участников публикуется на официальном сайте проекта.

По названию места, в котором размещен автономный научный модуль, участников эксперимента назвали «рамонавтами». На первом этапе они проведут там всего три дня.

Их рабочий график, средства связи, питание и бытовые условия максимально приближены к тем, с которыми столкнутся участники реальной экспедиции на Марс.

Как уже сообщалось, участники эксперимента будут изолированы от окружающего мира и смогут выходить за пределы помещений только в скафандре. На станции будут даже симулироваться «блэкауты» – периоды, когда между Землей и Красной планетой оказывается Солнце и связь с Землей нарушена.

## Время зажигания свечей для г. Киева и области (апрель 2018 г.)

Пятница 6 апреля 2018 – зажигание свечей 19:20 **Шаббат**

7 апреля 2018 – исход Шаббата 20:30

Пятница 13 апреля 2018 – зажигание свечей 19:31 **Шаббат**

14 апреля 2018 – исход Шаббата 20:43

Пятница 20 апреля 2018 – зажигание свечей 19:42 **Шаббат**

21 апреля 2018 – исход Шаббата 20:56

Пятница 27 апреля 2018 – зажигание свечей 19:54 **Шаббат**

28 апреля 2018 – исход Шаббата 21:09



Аарон Аппельфельд:

## «Я национальный еврейский писатель»

Умер Аарон Аппельфельд, поэт и прозаик, создававший свои произведения на иврите. Когда уходят такие люди, мне всегда хочется, чтобы остающиеся оглянулись хоть на мгновение, будто почувствовав на бегу жизни, как кто-то коснулся их плеча.



Мне выпала честь познакомиться с этим большим писателем в 1992 году, почти в первые недели после моей алии.

Из аэропорта я привез свою семью – жену, ее родителей и двоих наших сыновей – в Мевасерет-Цион, где находился Центр абсорбции. Там мы заняли отдельную квартиру, в которой было три спальни, «салон» и кухня.

Этот красивый поселок располагается в пяти-шести километрах от Иерусалима, на пути в Тель-Авив. В ту пору, когда мы обрели в нем свое временное пристанище, основными жителями Центра были олимпы из Эфиопии, доставленные в страну в 1984 году в ходе секретной операции «Моисей», да немногие сирийские евреи, прибывшие в Израиль тайными путями. Здесь же обитали группа еврейских беженцев из бывшей Югославии и несколько семей «русим», в силу некоторых причин не нашедших пока постоянного жилья. Среди них была младшая дочь известного еврейского писателя, активиста сионистского движения в Бессарабии Залмена Розенталя Мирьям Розенталь-Гиличенская с мужем и сыном.

Как-то раз, едва я вернулся из Иерусалима, теща сообщила, что меня искал какой-то пожилой мужчина. Имени своего он не назвал, спросил только, здесь ли живет еврейский писатель.

– Он говорил на идише? – поинтересовался я.

– Ну разумеется, – удивилась теща. – Если бы он говорил на иврите, то как бы я его поняла?

– И он не сказал, что ему нужно?

– Нет, – ответила теща. И вдруг усмехнулась: – Зато он спросил, не жена ли я тебе...

Иронию тещи я истолковал по-своему: ну действительно, разве мог писатель на идише быть моего возраста? Моя догадка нашла свое подтверждение несколькими днями позже, когда незнакомый гость пожаловал снова – «искать еврейского писателя». При виде меня на его круглом лице застыли на мгновение и удивление, и сомнение.

Было ли мне в то время известно имя Аарона Аппельфельда? Нет, конечно. Среди десятков книг, которыми сохнутувские посланники обычно снабжали репатриантов, была в основном литература по еврейской истории и Традиции, о Государстве Израиль и сионизме. Изредка попадался перевод ивритского классика, выполненный еще до революции. Так или иначе, книг Аппельфельда среди этой «литературы» я не встречал.

Мы прогуливались с ним по главной улице поселка, застроенной с обеих сторон богатыми коттеджами, как называют дома такого типа в Израиле. Как я слышал, среди их владельцев были члены кнессета, высокопоставленные военные чины, министры – словом, израильская элита. В одном из таких коттеджей и жил мой новый знакомый.

Разговаривали мы на идише, и первый вопрос моего собеседника, разумеется, был о том, откуда ко мне пришел идиш. Мне, конечно, было известно о горькой участи идиша в Израиле, и никаких иллюзий относительно своего заработка на новой родине я не питал. Аппельфельд был первым израильским писателем, с кем я встретился лицом к лицу, и мне не терпелось задать ему вопрос, который не давал мне покоя: ну, израильский истеблишмент – понятное дело, но израильские интеллигалы, в частности, братья-писатели на иврите, как они могли смотреть на то, что происходит в стране с идишем, и делать вид, что ничего не замечают?!

Тем временем Аппельфельд спросил, знаю ли я писателя Иосифа Бурга из Черновиц? Его интерес именно к Бургу стал мне понятен чуть позже, когда я узнал, что и сам Аппельфельд родом из Черновиц, именовавшихся еще Буковинским Иерусалимом. Дома его семья говорила исключительно на немецком, с бабушкой и бабушкой Аарон общался на идише. Юношей, приехав после войны в Израиль, он знал немецкий, идиш, русский, украинский – и ни слова на иврите.

– Идиш, кроме университета, я учил у хасидов в Меа Шаарим и на собраниях коммунистов. Я специально посещал их, потому что там можно было слышать хороший светский идиш, – рассказывал Аппельфельд.

Мне же хотелось задать ему наболевший вопрос. Начал я, однако, издали.

– Скажите, что значит быть израильским писателем?

Некоторое время он молчал. На его гладковыбритом бледном лице нервно вздрогнула жилка. Его голос, звучавший до этого момента спокойно, стал вдруг громче и жестче: – Я не израильский писатель. Я национальный еврейский писатель, который пишет на иврите.

Сказать по правде, смысл его слов я тогда осознал не в полной мере. Но ясно почувствовал в тот момент, что не Аппельфельду должен я адресовать свой вопрос относительно идиша в Израиле.

Мы попрощались у его дома.

– Моя жена и я приглашаем вас с супругой к нам в пятницу вечером...

С тех пор прошло много лет. За это время еще более двух десятков книг Аарона Аппельфельда увидели белый свет. А я вспоминаю, как в тот вечер в гостях у Аппельфельдов хозяин красивого дома в Мевасерет-Ционе подвел меня к книжному шкафу и тихо, но с гордостью произнес: «Это мои книги, вышедшие на сегодняшний день».

Мой взгляд метался по книжным корешкам, будто я узрел пришельца из другого мира... В эти считанные мгновения моего замешательства и потрясения я перенесся в детство, точнее, в тот день, когда мама привела меня, семилетнего мальчишку, записываться в городскую детскую библиотеку. Я в изумлении застыл среди высоких стеллажей, заставленных книгами. Так много книг я еще никогда в жизни не видел!

Через мгновение я вырвал свою руку из маминой и выбежал на улицу. Мама догнала меня и испуганно спросила, что вдруг со мной случилось? А я разревелся. Всхлипывая, я едва смог сказать: «Мама... я никогда... никогда не смогу прочитать все эти книги...».

Аарон Аппельфельд вернул меня из моих воспоминаний в свой просторный салон, увешанный картинами.

– К сожалению, ни одна из моих книг до сих пор не переведена ни на идиш, ни на русский, – будто извиняясь, произнес он. – Иначе я обязательно подарил бы вам книгу.

Я ответил ему словами песни, которую часто слышал в ульпане от нашей учительницы по ивриту: «Эйн брейра царих лилмод иврит...» – «Выбора нет. Нужно учить иврит».

Борис Сандлер

Февраль 2018, Бруклин, Нью-Йорк

Перевод с идиша: Елена Сарашевская

# אהרון אפּעלפּעלד: אַ ייִדישער שרייבער, וואָס האָט געשריבן אויף עברית

סיאיז געשטאַרבן דער העברעיִשער שרייבער אַהרון אפּעלפּעלד. ווען עס גייען אַוועק אַזעלכע מענטשן, דאַכט זיך מיר, אַז יעדער, וואָס בלייבט, וואָלט געדאַרפֿט, כאַטש אויף אַ רגע, זיך אומקוקן, ווי עס טרעפט אין מיטן אַ געיעג איבערן לעבן, ווען מע דערפֿילט פּלוצעם, אַז מעצער האָט דיך אַ ריר געטאַן ביים אַקסל.

איך האָב געהאַט די זכיה זיך צו באַקענען מיט דעם גרויסן שרייבער. געשען איז עס אין 1992, ממש אין די ערשטע וואָכן פֿון מיין קומען קיין ישראל. אַראַפּגעבראַכט די משפּחה פֿונעם פּלי-פּעלד קיין מבשרת-ציון, וווּ ס'האַט זיך געפֿונען דער אַבסאַרבאַציע-צענטער, האָבן מיר – מיין שווער און שוויגער, מיין פֿרוי און איך, און צוויי אונדזערע זין – פֿאַרנומען אַ באַזודערע דירה פֿון דריי שלאָף־צימערן, אַ „סאַלאַן“ און אַ קיך.

דער שיינער ייִשובֿ געפֿינט זיך אַ פּינף־זעקס קילאָמעטער פֿון ירושלים, אויפֿן וועג פֿון תּל־אָבֿיבֿ. דעמאָלט, ווען מיר האָבן דאַרט צייטווייליק געווינט, זינען ס'רובֿ אַיננווייניג פֿונעם „צענטער“ געווען די עולם פֿון עטיאָפּיע, געבראַכט אין 1984 נאָך דער אפּעראַציע „משעה“. אַ געוויסע צאַל סירישע יידן, געקומען קיין ישראל מיט געהיימע וועגן, אַז אַסאַד זאַל נישט וויסן. אַ הייפֿל ייִדישע פּליטים פֿון דער געוועזענער יוגאָסלאַוויע און נאָך עטלעכע משפּחות פֿון די „רוסים“, וואָס האָבן דערווייל נישט געקאַנט, צוליב פֿאַרשידענע סיבות, זיך געפֿינען אַ סטאַבילע וווינונג אין לאַנד. צווישן זיי אויך די „ינגערע טאַכטער פֿונעם באַקאַנטן ייִדישן שרייבער און ציוניסטישן טוער אין בעסאַראַביע זלמן ראַזענטאַל, מרים ראַזענטאַל“ גיליטשענסקי מיטן מאַן און זון.

אין אַ טאַג, אומקערנדיק זיך פֿון ירושלים, האָט מיר די שוויגער, גלייך פֿון דער שוועל געמאַלדן, אַז ס'האַט מיר געזוכט אַן עלטערער מענטש. זיין נאָמען האָט ער נישט אָנגערופֿן, בלויז געפֿרעגט, צי עס וווינט דאָ אַ ייִדישער שרייבער.

– ער האָט גערעדט ייִדיש? – האָב איך שוין געפֿרעגט.

– נו יאָ... – האָט זיך געחייטשט די שוויגער, – וואָלט איך עס דען פֿאַרשטאַנען, ווען ער רעדט עברית?

– און ער האָט נישט געזאַגט, וואָס ער וויל?

– ניין... – און זי האָט זיך פּלוצעם צעשמייכלט, – ער האָט נאָר געפֿרעגט, צי איך בין דיין ווייב?...

מיין שוויגערס שמייכל האָב איך פֿאַרטייטשט אויף מיין אייגענעם אָפֿן: און טאַקע, צי קאַן דען אַ ייִדישער שרייבער זיין אין מיין עלטער? מיין איראַנישער איינפֿאַל האָט געפֿונען אַ באַשטעטיקונג אין עטלעכע טעג אַרום, ווען דער אומבאַקאַנטער גאַסט איז ווידער געקומען (זוכן דעם ייִדישן שרייבער). אויף זיין קיילעכדיק פנים האָט זיך אויף אַ רגע קלאָר אָנגעצייכנט ס'איז אַ חידוש און ס'איז אַ ספֿק.

צי האָב איך דעמאָלט געהערט דעם נאָמען אַהרון אפּעלפּעלד? אַוודאי, ניין. די צענדליקער ביכער אויף רוסיש, וואָס די סוכנות־שליחים פֿלעגן אַריינברענגען און פֿאַרשפּרייטן צווישן די אַקטיוויסטן, זינען מערסטנס געווען וועגן ייִדישער געשיכטע, געשיכטע פֿון מדינת־ישראל, טראַדיציע, געוויסע ציוניסטישע פּערזענלעכקייטן און זעלטן ווען אַ איבערזעצונג פֿון אַ העברעיִשן קלאַסיקער, געמאַכט נאָך פֿאַר דער רעוואָלוציע. יעדנפֿאַלס, אפּעלפּעלדס אַ בוך איז צווישן דער געבראַכטער „ליטעראַטור“ נישט געווען.

מיר האָבן שפּאַצירט אויף דער הויפּט־גאַס פֿונעם ייִשובֿ, וואָס פֿון אירע ביידע זייטן האָבן זיך אויסגעשטעלט ריכטע קאַטעדזשן, ווי מע רופֿט עס אין ישראל. ווי כּיהאַב געהערט, זינען צווישן די באַלעבאַטעס געווען הַבֿרי־כנסת, הויכגעשטעלטע מיליטערי־ליט, מיניסטאַרן, מיט איין וואָרט, די ישראל־עליט. מ'האַט אַפֿילו אָנגערופֿן זייערע נעמען. אין איינעם פֿון די קאַטעדזשן האָט אויך געווינט מיין נייער באַקאַנטער.

מיר האָבן גערעדט צווישן זיך ייִדיש. פֿאַרשטייט זיך, אַז צווישן זיינע ערשטע פֿראַגעס צו מיר איז געווען, פֿון וואָנען קומט צו מיר די שפּראַך? זי האָב אַוודאי געוואוסט וועגן דעם ביטערן מצבֿ פֿון ייִדיש אין ישראל, און זיך נישט געלייגט קיין פֿייגעלעך אין בזעם, מנחם מיין פרנסה אין דער נייער היים. אפּעלפּעלד איז געווען דער ערשטער העברעיִשער שרייבער, מיט וועלכן כּיהאַב זיך געטראַפֿן פֿנים־אל־פֿנים, און ס'האַט אין מיר געקאַנט און זיך געריסן אין דרויסן די פֿראַגע, וואָס האָט מיר נישט געגעבן קיין רו: מילאַ, דער ישראל־איסטאַבלישמענט, אָבער די „ישראל־אינטעלעקטואַלן, פֿכֿרט די העברעיִשע ברידער־שרייבער, ווי אַזוי האָבן זיי געקאַנט זען, וואָס עס קומט אין לאַנד פֿאַר מיט ייִדיש און זיך מאַכן קלאַידע?!

בשעת־מעשה, האָט אפּעלפּעלד געפֿרעגט, צי איך קען נישט דעם שרייבער יוסף בורג פֿון טשערנאָוויץ? זיין אינטערעס דווקא צו יוסף בורג איז מיר קלאָרער געוואָרן, ווען כּיהאַב זיך שפּעטער דערוואוסט, אַז אפּעלפּעלד אַליין שטאַמט פֿון טשערנאָוויץ, ירושלים די־בוקובינאַ. ער האָט מיר דערציילט זיין געשיכטע אַרום די שפּראַך; אַז אין דער היים האָט מען גערעדט נאָר דייטש, ביז די זיידע־באַבע – ייִדיש, און קיין ישראל, נאָך דער מלחמה, איז ער, אַ בחור, געקומען מיט אַ מישמאַש אין קאַפֿ פֿון דייטש, ייִדיש, רוסיש און אוקראַיניש – קיין וואָרט נישט אין עברית.

– ייִדיש, אַ חוץ אינעם אוניווערסיטעט, האָב איך זיך געלערנט ביז די חסידים אין מאה־שערים און אויף די פֿאַרזאַמלונגען פֿון די קאַמוניסטן. כּיפֿלעג ספּעציעל באַזוכן זייערע אַסיפות, ווייל דאַרט האָט מען געקאַנט הערן אַ גוטן וועלטלעכן ייִדיש.

מיין אָנגעווייטיקטע פֿראַגע האָט זיך געריסן פֿון מיר. כּיהאַב אָבער אָנגעהויבן פֿון דער ווייטנס. געפֿרעגט:

– וואָס מיינט עס, צו זיין אַ ישראלדיקער שרייבער?

אַ ווילע האָט ער געשוויגן. נישט וואָס ער האָט זיך פֿאַרטראַכט; אויף זיין גלאַט־אפּגעגאַלט בלייך פנים האָט אַ ציטער געטאַן אַן אַדער. זיין קול, וואָס ביז אַהער האָט זיך עס געהערט רויק, אַן אַ מינדסטער אָנשטרענגונג, איז מיטאַמאַל האַרטער און העכער געוואָרן:

– איך בין נישט קיין ישראל־שרייבער, כּיבן אַ נאַצי־אַנאַלער ייִדישער שרייבער, וואָס שרייבט אויף עברית.

דעם אמת געזאַגט, האָב איך דעם מיין פֿון זיין זאַג דעמאָלט נישט אין אַנאַן פֿאַרשטאַנען. וואָס יאָ, כּיהאַב דערפֿילט אין דעם מאַמענט, אַז נישט אפּעלפּעלדן דאַרף איך אַדרעסירן מיין טענה וועגן דער באַציונג צו ייִדיש אין ישראל.

מיר האָבן זיך געזעגנט ביים אייזערנעם הויף־טירל פֿון זיין הויז.

– מיין פֿרוי און איך פֿאַרבעטן איך מיט דער פֿרוי צו זיין אונדזער געסט פֿריטיק צו נאַכטס...

זינט דעמאָלט זינען אַוועק אַ סך יאָר. אין דער צייט האָבן נאָך עטלעכע און צוואַנציק ביכער פֿון אַהרון אפּעלפּעלד דערזען די ליכטיקע שיין. איך דערמאַן זיך, ווי אין יענעם אָונט צו גאַסט ביז די אפּעלפּעלדס האָט מיר דער באַלעבאַס פֿון דעם שיינעם הויז אין מבשרת־ציון צוגעפֿירט צו אַ ביכער־שראַנג און שטיל, נאָר מיט שטאַלץ אַ זאַג געטאַן: «דאָס זיינען מייער ביכער, וואָס זיינען ביז אַהער דערשיינען...»

מיין בליק האָט זיך געשאַרט איבער די ביכער־רוקנס, ווי אַ פֿאַרבלאַנדזשעט געשפּענט פֿון אַן אַנדער וועלט. דווקא אין אַט די געצייטלע רגעס פֿון מיין צעמישטיקייט און איבערראַשונג האָב איך זיך אַריבערגעטראָגן אין מיין קינדשאַפֿט, ריכטיקער, אין יענעם טאַג, ווען מיין מאַמע האָט מיר, איר זיבן־יאָריקן בכור, געבראַכט אין דער שטאַטישער קינדער־ביבליאָטעק, צו פֿאַרשריבן ווי אַ ליינער. איך בין געבליבן שטיין געפלעפט צווישן די הויכע פֿאַליעס־ווענט, פֿאַרשטעלט מיט ביכער. אַזוי פֿיל ביכער האָב איך נאָך אין מיין לעבן נישט געזען!

אין אַ מאַמענט האָב איך אַרויסגערירן מיין האַנט פֿון דער מאַמעס האַנט און אַרויסגעלאָפֿן אין דרויסן. די מאַמע האָט מיר אָנגעיאָגט און אַן אָנגעטראַקענע געפֿרעגט, וואָס איז מיט מיר פּלוצעם געשען? כּיהאַב זיך צעוויינט. כּיהאַב געכּיפּט און קוים אַרויסגעקוועטשט פֿון זיך: «מאַמע... כּוועל דאַך קיין מאַל נישט... קיין מאַל די אַלע ביכער ניט איבערלייענען...»

אַהרון אפּעלפּעלד האָט מיר אומגעקערט צוריק אין זיין געראַמען סאַלאַן, באַהאַנגען מיט קונסט־בילדער.

– צום באַדויערן, האָט מען נאָך קיין איין בוך מיינס נישט איבערגעזעצט ניט אויף ייִדיש און ניט אויף רוסיש, – האָט ער זיך ווי פֿאַרענטפֿערט, – אַנדערש וואָלט איך איך געשענקט אַ בוך.

כּיהאַב אים געענטפֿערט מיט די ווערטער פֿונעם ליד, וואָס דעמאָלט איז אונדז אַפֿט אויסגעקומען צו הערן אין אולפן פֿון אונדזער עברית־לערערן: «אין ברירה צריך ללמוד עברית...»



# СЧАСТЬЕ ПРИВАЛИЛО!

## Рассказ жителя европейской столицы

Я очень плохо спал всю ночь, боялся проспать: вот уже больше недели не завозили социальный хлеб в ларек, что на другом конце города. Поскольку часы мои давно остановились, я по забрезжившему рассвету определил, что уже где-то пять утра. Быстро собрался, добежал до метро. Деньги у



меня, конечно, были, но если я потрачу их на проезд в метро, то не хватит на хлеб. Пусть даже и социальный. Что ж, пробегусь на отдаленный жилмассив, я ведь еще не так стар.

Когда прибежал, очередь уже гомонила всюю, вытянувшись лентой, которой, казалось, не будет конца. Став за какой-то старушкой, стал терпеливо ждать. К обеду очередь моя подошла, и я торжественно сказал:

– Батон и «украинский».

– Нет! – закричала стоявшая за мной женщина с ребенком, – дайте ему что-то одно: или батон, или «украинский».

– Это почему же? – возмутился я.

– Вы хоть знаете, сколько я стоял, – сказал продавцу, – от рассвета до полудня.

– Она права, – сказал продавец, похожий на тяжелоатлета-гиревика, – к тому же вы один, ни жены, ни детей рядом нет. Получите полбатона и пол-«украинского».

Дрожащими руками я схватил эти дары небес и поспешил в «аптеку безкоштовних ліків», ибо там отпускали лекарства до 16.00.

В аптеке тоже стояла очередь, правда, не такая большая, как за социальным хлебом. Взяв у меня рецепт, провизор – немолодая женщина с плохим зрением – сказала:

– Врач, выписавший вам этот рецепт, штампом и печатью забила название лекарства.

– Не беда, – ответил я. – Она выписала мне слабительное, возьму любой его аналог.

– Вот, – ответила провизор, – возьмите этот индийский препарат, ему цена 3.60.

– Но у меня бесплатный рецепт! – возмутился я.

– Бесплатный на тот медикамент, который вам выписан, а я его прочесть не могу. Но мы можем вам продать со значительном скидкой – за гривну двадцать. Но прежде вам придется заполнить ряд формальностей.

– Каких именно? – игриво спросил я.

– Сущие пустяки: представить справку из психдиспансера о том, что вы не наркоман, из МВД об отсутствии у вас судимости, миграционная служба подтвердит ваше украинское гражданство, а лаборатория спектрального анализа подтвердит отсутствие амфетамина, кодеина и других наркотических средств в выписанном вам медпрепарате.

– И это все?! – в ужасе спросил я.

– Нет, конечно, вы заполните утвержденную Минздравом анкету из 116 пунктов, письменно подтвердите согласие на использование ваших персональных данных.

– Безобразия! – громко возмутился я. – Развели тут бюрократию вокруг копейного слабительного!

– Нечего возмущаться, – назидательно сказала провизор, – это общевосточная практика, а мы сейчас, как вам известно, стремительно движемся в Европу.

– Э, нет, – отрезал я. – Со мной у вас номер не пройдет, у нас есть еще Министерство здравоохранения.

На следующем день, преисполненным решимости, я открыл двери министерства, но мой праведный гнев тут же умерили четыре амбала, похожие на громил из американских блокбастеров.

– Мне на прием к министру, – спокойно сказал им я, чем немало их удивил.

– Вы что, с Луны свалились? – спросил старший из громил. – Ни министр, ни один из шестнадцати его заместителей людей не принимают.

– Извините, а к кому же мне обратиться с жалобой?

– Когда выйдете из здания, обогните его, увидите толпы протестующих, там и для вас найдется место.

Когда обогнул здание, увидел нечто, похожее на народное гуляние:

мужчины лежали на траве, женщины предпочли укрыться в палатках, от косяков шел дурманящий запах тушенки.

Вдруг кто-то сообщил, что министр приехал. Все поднялись, развернули транспаранты, двинулись ко входу в министерство. Каких транспарантов тут только не было! Наркоманы требовали выбросить в свободную продажу марихуану, алкоголики – продавать спиртное круглосуточно, женщины – обязать мужчин пользоваться презервативами, набожные женщины – запретить аборт.

Я понял, что со своим слабительным мне не пробиться...

Уже стемнело, когда вернулся домой. Во дворе на скамейке увидел группу коммунальщиков. «Молодцы ребята, – подумал я, – ведь только на прошлой неделе мне воткнули в дверь платежку на 400 гривен, как было написано – за «утримання прибудинкової території», а они уже взялись благоустроить эту территорию».

Неожиданно все они поднялись и двинулись в мою сторону. «Мы к вам, – сказала дворник Филипповна, – вот, ознакомьтесь с этой бумагой».

Я взял бланк с заголовком «Керуюча компанія з утримання житла» – и у меня потемнело в глазах. Сообщалось, что в связи со злостной неуплатой коммунальных платежей мне отключают воду, газ, тепло и электричество.

И эти так называемые «слесаря», в основном – алкоголики и бракоделы, вдруг проявили изумительное мастерство и «легким движением руки» отрезали мне все коммунальные блага...

«Не беда, – подумал я, – не пропаду, ведь у меня всегда под рукой моя настольная книга «Жизнь и приключения Робинзона Крузо». Этот Робинзон умудрился создать себе цветущую жизнь на необитаемом острове, так куда ему до меня, живущему в столице европейского государства...»

Не раздумывая доллар, я собрал на

свалке остатки новогодних елок, сделал из них щепы и лучины, согрел чай. И заметно повеселел, на душе стало легче.

Прошло полгода. Я прекрасно ко всему приспособился: воду брал из бювета, чай согревал щепой, комнату освещал лучиной, согревался ватником, подаренным соседом, вернувшимся из мест заключения.

И снова пришла ко мне бессонная ночь. Предчувствуя что-то неладное, я еле-еле задремал перед рассветом в надежде еще поспать, как вдруг в дверь робко постучали. Ну, думаю, божжи пришли просить что-то съестное. Открыл дверь, увидел людей в полицейской форме. Как оказалось, это была не полиция, а некая «виконавча служба».

– Должна ознакомить вас с решением суда, – сказала девушка с внешностью девятиклассницы, но в полицейской форме. – За неуплату квартирной платы суд выселяет вас из вашей комнаты в малокоммунальной квартире.

Они подошли бортовой КАМАЗ, тут же в комнату вошли четверо грузчиков, но я посмеялся над ними: кроме меня загружать им было нечего.

И очутился я, не очень старый человек, в доме для престарелых. Осмотрелся. В комнате шесть человек, но у меня своя койка, кусок мыла и круг для унитаза. Здесь тепло, светло и трижды в сутки приглашают в столовую. Боже, так это же настоящий рай на земле! А в переполненном красном уголке во время культурного мероприятия ведущий неожиданно обратился ко мне:

– Скажите, у вас есть любимое изречение?

– Есть, конечно, есть! – заверил его я, и в наступившей тишине прокричал во весь голос:

– Да здравствует украинский суд, самый гуманный суд в мире!

Анатолий СИГАЛОВ

### До уваги наших читачів!

Триває передплата на газету «Єврейські вісті».

Ціна підписки: на 6 місяців – 25 грн. 56 коп.; на рік – 51 грн. 12 коп.

Передплатити можна в будь-якому поштовому відділенні, або в Єврейській раді України.

Інформація – в Каталозі передплати на 2018 р.

Індекс 61078



УКРАЇНА  
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ  
**«ТРУБОСТАЛЬ»**

Адрес: 53201, Украина, Днепропетровская обл., г. Никополь, пр. Трубников, 91  
Тел.: +380 (5662) 9-31-03, +380 (566) 69-13-50, +380 (5662) 9-64-64 (сбыт), 2-14-04 (отдел продаж)  
Факс: +380 (5662) 2-11-90  
e-mail: [trubostal@trubostal.com.ua](mailto:trubostal@trubostal.com.ua)  
[www.trubostal.com.ua](http://www.trubostal.com.ua)  
Представительства в Днепропетровске:  
Трубы: т/ф (0562) 36-24-84, e-mail: [trubaR@i.ua](mailto:trubaR@i.ua)  
Фитинги: т/ф (0562) 32-38-08, e-mail: [trubodetal@ukr.net](mailto:trubodetal@ukr.net)

**ПРОИЗВОДИМ:**  
ОТВОДЫ стальные крутоизогнутые 45°, 60°, 90°, 180°  
022-630 мм по ASTM A234 WPB, ГОСТ 17375-83 и ОСТам  
В комплекте: гибы, тройники, переходы, заглушки.  
ТРУБЫ:  
• бесшовные центробежнолитые трубы Ø100-1060 мм из любых марок стали и чугуна;  
• бесшовные биметаллические центробежнолитые трубы и отводы с внутренним износостойким покрытием Ø100-1060 мм для пульпопроводов;  
• бесшовные биметаллические центробежнолитые трубы Ø100-1060 мм со слоями по требованию заказчика;  
• бесшовные холоднодеформированные трубы.  
В комплекте: трубы бесшовные горячедеформированные и сварные.

Головний редактор  
Семен БЕЛЬМАН  
Редакційна колегія  
О. Сусленський,  
П. Толочко, І. Трахтенберг

Адреса редакції: 01103,  
Київ-103, вул. Німанська, 7.  
Тел. 286-39-61, 284-91-54,  
факс 285-96-04  
E-mail: [sem.hesed@gmail.com](mailto:sem.hesed@gmail.com)

За достовірність  
матеріалів відповідають  
автори.  
Редакція не завжди поділяє  
точку зору авторів

«Єврейські вісті» –  
газета  
Єврейської ради України

Засновники:  
Міністерство культури України,  
Єврейська рада України,  
редакція газети «Єврейські вісті»

Друк – ФОП Рябокочень  
тел. 227-68-53  
Тираж 2000  
№ 03 (628) 2018 рік  
Індекс 61078